

Е. П. Емельянов

**Творческий путь Н. В. Устюгова
в контексте развития
советской исторической науки**

Евгений Емельянов

**Творческий путь Н. В.
Устюгова в контексте развития
советской исторической науки**

«Нестор-История»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3

Емельянов Е. П.

Творческий путь Н. В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки / Е. П. Емельянов — «Нестор-История», 2017

ISBN 978-5-4469-1203-2

Монография посвящена жизни и творчеству видного советского историка Николая Владимировича Устюгова, выступившего создателем концепций раннего генезиса капитализма в России и «свободного вассалитета» башкир. В книге подробно рассматривается проблема существования науки в условиях идеологической несвободы. Проводя текстологический анализ научных работ Н.В. Устюгова, автор прослеживает адаптацию советских учёных к изменениям политического курса и показывает отстаивание ими своих научных взглядов, не зависящих от идеологической конъюнктуры. Рассматривая концепции Н.В. Устюгова в контексте современной им исторической науки, автор стремится ответить на вопрос, почему они не закрепились в отечественной историографии. Книга написана на основе одноимённой кандидатской диссертации.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4469-1203-2

© Емельянов Е. П., 2017
© Нестор-История, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1. Формирование тематики исследований Н. В. Устюгова	19
1.1. Начало формирования исторических взглядов	19
1.2. Изучение истории русского крестьянства XIX в.	28
1.3. Начало профессиональной научно-педагогической деятельности	34
1.4. Формирование взглядов на историю кочевых народов Центральной Азии и Приуралья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Емельянов
Творческий путь Н. В.
Устюгова в контексте развития
советской исторической науки

© Е. П. Емельянов, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

Введение

Крах коммунистической идеологии на рубеже 1980-1990-х гг. и последовавший за ним распад Советского Союза привели к трансформации советской историографии в российскую историческую науку. Одной из основных задач, стоящих сегодня перед российской исторической наукой, является критическое осмысление опыта своей непосредственной предшественницы. На наш взгляд, успешное решение данной задачи невозможно без обращения к истории создания научных работ и биографиям их авторов. Одним из крупнейших отечественных историков, работавших в советский период, был профессор Николай Владимирович Устюгов, создавший концепции «свободного вассалитета» башкир и раннего генезиса капитализма в России и основавший собственную научную школу. Профессор Н. И. Павленко вспоминал, что Устюгов был кумиром молодых сотрудников Центрального государственного архива древних актов (далее ЦГАДА), и в рабочей комнате архива висел его портрет¹. В 1959 г. ведущий французский славист Р. Порталь ставил Устюгова в пример Ж. ле Гоффу и утверждал, что в работе ле Гоффа отсутствует интерес к человеку, свойственный для творчества Устюгова². Но, несмотря на признание со стороны коллег, жизнь и творчество Н. В. Устюгова до настоящего времени не становились объектами монографического исследования и относятся к малоизученным темам в истории советской исторической науки.

Объектом нашего исследования является советская историческая наука 1920–1960-х гг. Предметом работы является творческий путь Н. В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки. Несмотря на свой высокий эвристический потенциал, термин «творческий путь ученого» почти не используется в историографических трудах³ и до настоящего времени не подвергался формализации. В настоящей работе мы понимаем под творческим путем ученого развитие во времени его исследовательской деятельности.

В зависимости от предмета своего изучения научная литература по теме нашей работы делится на четыре группы: общие труды, дающие панорамную картину развития советской исторической науки 1920–1960-х гг.; биографические труды об историках, работавших в СССР в это время; работы о жизни и творчестве самого Устюгова; работы, посвященные отдельным историографическим проблемам, изучавшимся Устюговым.

Активное появление общих работ по истории советской исторической науки началось в СССР в эпоху оттепели, когда в историографических трудах на смену идеологической критике и апологетике пришел научный анализ работы историков. В 1955 г. началось издание многотомных «Очерков истории исторической науки в СССР», а с 1965 г. начал выходить ежегодник «История и историки», на страницах которого уделялось значительное внимание развитию советской исторической науки. В те же годы стали появляться работы о становлении исторической науки в СССР, среди которых следует выделить труды Г. Д. Алексеевой и Л. В. Ивановой⁴. Позднее, в конце 1980-х гг., появилась работа А. С. Барсенкова, посвященная развитию советской исторической науки в послевоенный период⁵. Характерными чертами данных исследований являлось следование идеологическому классовому подходу при рассмотрении историографических явлений и сосредоточение на развитии научных учреждений и содержании

¹ Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 23.

² Portal R. A propos du sel // Revue historique. 1958. Т. 219. № 446. Р. 322.

³ Исключение: Шаров А. В. Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁴ Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в СССР (1917–1923). М., 1968; Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки: подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968.

⁵ Барсенков А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988.

опубликованных работ историков. В соответствии с изменениями, произошедшими в советском обществе в период перестройки, несколько отличалась от вышеназванных трудов работа саратовского историка Г. Д. Бурдея «Историк и война», посвященная деятельности советских историков в период Великой Отечественной войны. Ее отличительной чертой являлось выделение негативной роли сталинского режима в развитии советской историографии⁶.

Крупнейшим историографическим трудом, созданным в рамках данного подхода, стал пятый том «Очерков истории исторической науки в СССР», вышедший в 1985 г. Коллектив его авторов постарался дать широкий обзор основных научных проблем, поднимавшихся в советской исторической науке в 1930–1960-х гг., содержания посвященных им трудов и хода вызванных ими дискуссий. Вместе с тем в нём оказался не затронут ряд важнейших тем, активно разрабатывавшихся в советской исторической науке того времени, в частности, в нём было проигнорировано развитие исследований по истории народов СССР⁷.

Апологетические работы о советской исторической науке ушли в прошлое вместе с распадом СССР. Общая переоценка советского прошлого в 1990-е гг. привела к появлению трудов, сочетавших подчеркивание достижений советской историографии с акцентированием идеологического давления на нее со стороны коммунистической партии. Наиболее ярким проявлением данного подхода стала коллективная монография «Историческая наука России в XX веке», вышедшая в 1997 г. под редакцией Г. Д. Алексеевой⁸. Вместе с тем в это же время стали появляться работы, в которых советские историки изображались не жертвами, а прислужниками тоталитарного режима. В данном ключе была написана статья Ю. Н. Афанасьева «Феномен советской историографии», вышедшая в сборнике «Советская историография» в 1996 г. Афанасьев отрицал научный характер советской историографии и утверждал, что ее основной задачей являлось обслуживание идейно-политических потребностей тоталитарного государства⁹.

Проблема взаимоотношений советских историков и тоталитарного государства осталась ведущей историографической темой и в начале XXI в. Важнейшей чертой историографических работ этого времени стал перенос исследовательского внимания от готовых исторических работ к процессу их создания и факторам, влиявшим на формирование взглядов советских историков. Это позволило многим авторам уйти от идеологизированных оценок советской исторической науки и перейти к объективному рассмотрению сложных и неоднозначных взаимоотношений власти и ученых-историков. Важнейшими работами, написанными в этом ключе, стали монографии А. М. Дубровского «Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)» и А. В. Гордона «Власть и революция. Советская историография Великой французской революции, 1918–1941», а также книга В. В. Тихонова «Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки»¹⁰. Среди работ Тихонова из вышеназванной книги следует выделить очерк «“Тут явно сквозит дух объективизма...”»: создание “Очерков по истории Башкирии” в 1940-е – начале 50-х гг.», впервые опубликованный в 2013 г. и содержащий ценные сведения по истории создания второй и третьей редакций «Очерков по истории Башкирии», в подготовке которых принимал активное участие Н. В. Устюгов¹¹.

⁶ Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991.

⁷ Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1985.

⁸ Историческая наука России в XX веке / отв. ред. Г. Д. Алексеева. М., 1997.

⁹ Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–41.

¹⁰ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005; Гордон А. В. Власть и революция. Советская историография Великой французской революции, 1918–1941. Саратов, 2005.

¹¹ Тихонов В. В. «Тут явно сквозит дух объективизма...»: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е – начале 50-х гг. // Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М., 2014. С. 139–147.

Еще одним примером использования новых методов в изучении взаимодействия власти и исторической науки стала работа А. Л. Юрганова «Русское национальное государство». Важнейшим достижением Юрганова явилось выделение в текстах советских историков значительного цитатного пласта, содержащего выдержки из канонических текстов советской идеологии, что сближает произведения советской историографии с книжными памятниками Средневековья¹². Вместе с тем, на наш взгляд, Юрганов неправомерно отказал советским историкам в оригинальном научном творчестве, утверждая, что их работы являлись лишь толкованием трудов классиков марксизма-ленинизма. Приведенный в монографии фактический материал доказывает неверность данного тезиса Юрганова и правоту исследователя советской этнографии С. С. Алымова, утверждавшего, что у советских историков следование официальной идеологии сочеталось с наличием глубоко фундированных и последовательных научных убеждений¹³. Поиском в советской историографии констант, независимых от идеологических трансформаций, занимался и А. С. Усачёв, предложивший использовать при рассмотрении развития исторической науки концепцию «долгого времени», разработанную во французской школе «Анналов». В статье ««Longue durée» советской историографии», опубликованной в 2002 г., он обратился к поиску исторических мифологем, разделявшихся представителями дореволюционной и советской историографии независимо от их идеологических убеждений¹⁴.

В 2000-е гг. новые подходы стали использоваться и в исследованиях, направленных на изучение внутреннего развития советской исторической науки. В это время школа омских историографов во главе с В. П. Корзун обратилась к исследованию изменений образа науки в представлениях советских историков и влияния на их творчество научной повседневности. Данные проблемы были рассмотрены в коллективных монографиях «Очерки истории отечественной исторической науки XX века» и «Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.», вышедших под редакцией В. П. Корзун, а также в диссертации Н. В. Кефнер «Научная повседневность послевоенного поколения советских историков»¹⁵.

Московские (В. В. Тихонов), петербургские (К. В. Петров) и челябинские (Н. В. Гришина) историки в это время обратились к изучению научных школ и схолярного аспекта развития исторической науки. Н. В. Гришина и В. В. Тихонов посвятили свои работы московской школе русских историков, представители которой выступили учителями Н. В. Устюгова в исторической науке. Н. В. Гришина изучила роль школы В. О. Ключевского в отечественной науке и культуре на рубеже XIX–XX вв.¹⁶ В. В. Тихонов проанализировал жизнь и творчество представителей младшего поколения московской исторической школы и рассмотрел судьбы ее представителей в советский период¹⁷. К. В. Петров охарактеризовал развитие научных школ, изучавших историю Зауралья в Средние века и раннее Новое время, с точки зрения научной генеалогии и передачи исследовательских традиций от учителей к ученикам¹⁸.

Внимание к взаимодействию учителей и учеников в исторической науке характерно и для работ Л. А. Сидоровой, выпустившей в 2008 г. монографию «Советская историческая

¹² Юрганов А. Л. Русское национальное государство. М., 2011. С. 12.

¹³ Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х гг. // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7–36.

¹⁴ Усачёв А. С. «Longue durée» советской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113.

¹⁵ Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. М., 2011; Кефнер Н. В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

¹⁶ Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

¹⁷ Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века. М., 2012.

¹⁸ Петров К. В. Исследовательские школы по изучению истории Зауралья феодального периода: современное состояние // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 154–160.

наука середины XX века. Синтез трех поколений историков». Сидорова выступила основоположником генерационного подхода в историографии, при котором развитие исторической науки рассматривается как смена поколений историков. Следуя социологическому подходу к определению термина «поколение», она определила в качестве критериев отнесения историков к конкретному поколению время получения ими профессионального образования и начала научной деятельности¹⁹.

Первые работы второй группы, посвященные персоналиям отдельных историков, коллег Н. В. Устюгова, стали появляться на рубеже 1950–1960-х гг. Они представляли собой отдельные статьи, посвященные выдающимся историкам. Их авторами являлись коллеги и ученики героев статей, а их содержание носило обзорный характер. Постепенное введение в научный оборот исторических источников, связанных с деятельностью советских историков, и рост интереса к роли личности в исторической науке привели к тому, что на рубеже 1980–1990-х гг. изучение данной тематики вышло на монографический уровень. В это время вышли работы Е. В. Чистяковой, А. М. Дубровского, А. А. Чернобаева, В. Б. Кобрин и К. А. Аверьянова, посвященные, соответственно, жизни и творчеству М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, М. Н. Покровского и С. Б. Веселовского²⁰.

Активное изучение жизни и творчества отдельных советских историков продолжилось и на рубеже XX – XXI вв. В частности, в это время появились монографии В. М. Панеяха и В. В. Тихонова, диссертации М. В. Мандрик, В. Н. Фешкина и М. А. Базанова, которые были посвящены, соответственно, творчеству Б. А. Романова, Б. И. Сыромятникова, Ю. В. Готье, М. К. Любавского и А. А. Зимина²¹. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на значительный вклад в развитие отечественной исторической науки Н. В. Устюгова, его фигура вплоть до настоящего времени не становилась объектом монографического или диссертационного исследования.

Первые работы третьей группы, непосредственно посвященные жизни и творчеству Н. В. Устюгова, также стали выходить в 1960-е гг. Как и другие работы, посвященные персоналиям отдельных советских историков, они представляли собой юбилейные или мемориальные статьи, написанные учениками и коллегами их героя. Первой работой, направленной на увековечивание памяти Устюгова, стала статья его ученика А. А. Преображенского «Николай Владимирович Устюгов», опубликованная в 1965 г. в шестом выпуске «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР»²². В 1966 г. из печати вышел сборник «Города феодальной России», посвященный памяти Н. В. Устюгова и приуроченный к 70-летию со дня его рождения. Сборник предваряла статья А. А. Преображенского «Творческий путь Николая Владимировича Устюгова», содержащая общий обзор его биографии и основных составляющих научно-педагогической деятельности. В своей работе Преображенский выделял три направления исследований Устюгова: история России позднефеодальной поры (XVII – первой половины XIX в.), история народов СССР, вспомогательные исторические дисциплины. Он подсчитал их долю в творческом наследии ученого и указал, что к первому направлению относятся 76, ко второму 44, а к третьему 20 опубликованных работ Устюгова. При этом он ука-

¹⁹ Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 5.

²⁰ Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М., 1992; Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987; Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992; Кобрин В. Б., Аверьянов К. А. С. Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.

²¹ Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; Тихонов В. В. Историк «старой школы»: Научная биография Б. И. Сыромятникова. Рязань, 2008; Мандрик М. В. Юрий Владимирович Готье 1873–1943: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Фешкин В. Н. Жизнь и научная деятельность М. К. Любавского в г. Уфе: 1931–1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009; Базанов М. А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014.

²² Преображенский А. А. Николай Владимирович Устюгов // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 3–14.

зывал, что наибольших результатов Устюгов добился в разработке проблемы генезиса капитализма в России, относящейся к первому направлению исследований²³.

В 1970 г. вышел сборник «Аграрная история Европейского Севера СССР», в котором была напечатана статья одного из крупнейших специалистов по истории России XVIII в., племянника Устюгова, С. М. Троицкого «Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР». Рассматривая изучение Устюговым истории Русского Севера, Троицкий уточнял тематическую классификацию устюговского творчества, сделанную Преображенским, и указывал, что в центре научных интересов Устюгова находилась история России XVII в., которой было посвящено свыше пятидесяти работ исследователя. Уделяя основное внимание изучению Устюговым генезиса капитализма в России, он подчеркивал, что без обращения к устюговским работам невозможно окончательное решение данной дискуссионной проблемы. Также Троицкий одним из первых попытался дать характеристику научной школы Устюгова, в которую он включал его учеников, занимавшихся социально-экономической историей России XVII–XVIII вв. и ставивших в центр своих исследований вопросы генезиса капитализма в России²⁴. На наш взгляд, такое определение персонального состава школы Устюгова является недостаточным, так как устюговские ученики развивали идеи своего учителя и в других областях исторической науки. Так, Е. И. Каменцева продолжала исследования Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин, а Н. Ф. Демидова развивала взгляды Устюгова на историю башкирских восстаний.

В 1966–1967 гг. в Архиве АН СССР был сформирован личный фонд Н. В. Устюгова (ф. 1535), после чего в научный оборот стали активно вводиться архивные документы, связанные с жизнью и деятельностью ученого. В 1970 г. вместе со статьей С. М. Троицкого в сборнике «Аграрная история Европейского Севера СССР» была опубликована статья сотрудницы Архива АН СССР Н. Г. Михайловой «Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР», посвященная проявлению лучших человеческих качеств Устюгова в его письмах с фронта. В том же году вышел Археографический ежегодник 1968 г., в котором была напечатана статья Н. Г. Михайловой «Обзор документальных материалов фонда Н. В. Устюгова», дававшая краткую характеристику документов, поступивших в составе фонда Устюгова в Архив Академии наук. В 1974 г. в сборнике научного наследия Н. В. Устюгова была опубликована статья Н. Г. Михайловой «Н. В. Устюгов как педагог (По материалам Архива АН СССР)», содержащая краткий тематический обзор лекций и семинаров Устюгова, а также работ его учеников²⁵.

Педагогические аспекты деятельности Устюгова также были рассмотрены в статье ученицы Устюгова Е. И. Каменцевой «Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин», опубликованной вместе со статьей Н. Г. Михайловой в Археографическом ежегоднике 1968 г. Поскольку изучение Устюговым вспомогательных исторических дисциплин было тесно связано с его преподавательской деятельностью в Московском историко-архивном институте (далее МГИАИ), в статье Каменцевой были рассмотрены не только работы Устюгова по вспомогательным дисциплинам, но и его взгляды на особенности преподавания в высшей школе²⁶.

²³ Преображенский А. А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 10.

²⁴ Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 42.

²⁵ Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 57–63; Она же. Н. В. Устюгов как педагог (По материалам Архива АН СССР) // Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974. С. 11–17.

²⁶ Каменцева Е. И. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин // Археографический ежегодник. 1968. М., 1970. С. 281–285.

В 1980–1990-х гг. к изучению творчества Устюгова обратились историки Южного Урала. В 1988 г. вышла статья челябинского историка Т. А. Дёминой «Проблемы истории крестьянства Южного Зауралья в трудах Н. В. Устюгова». Помимо рассмотрения опубликованных работ ученого по данной тематике, она кратко охарактеризовала незавершенное исследование Устюгова по истории хлебного рынка Южного Зауралья. Свой вывод о тематике последних незавершенных работ Устюгова Дёмина делала на основании листов использования документальных материалов ЦГАДА. Оценивая выводы Устюгова по данной теме, она провела их сопоставление с данными источников из фондов ЦГАДА, Государственных архивов Оренбургской и Челябинской областей, которое подтвердило правоту взглядов ученого²⁷. В 1997 г. были опубликованы тезисы доклада челябинского краеведа Л. А. Циприса «И снова об Устюгове», попытавшегося дать краткую характеристику исследований Устюгова по истории Урала. В своем докладе Циприс уделил основное внимание исследованиям Устюгова по истории Южного Зауралья и подчеркнул ценность фактического материала, приведенного в его работах²⁸.

В постсоветский период продолжили обращаться к биографии Устюгова и его ученики. В 2000 г. вышла статья А. И. Комиссаренко «Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета», в которой давалась краткая история студенческого научного кружка, созданного Устюговым в МГИАИ, и подробно разбиралась тематика работ его участников²⁹. В 2001 г. в сборнике «Историки России: биографии» вышел очерк А. А. Преображенского «Устюгов Николай Владимирович», созданный на основе его статей 1960-х гг. В этом очерке Преображенский осветил основные проблемы, разрабатывавшиеся Устюговым, и повторял вывод Троицкого о том, что в центре научных интересов Устюгова находилась российская история XVII в.³⁰ В 2009 г. вышла статья А. И. Комиссаренко «Николай Владимирович Устюгов – участник сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958–1963 гг.», содержащая разбор выступлений Устюгова на данном научном форуме³¹.

Активно поднимавшийся на этом симпозиуме вопрос о генезисе капитализма в России принадлежал к числу тех дискуссионных проблем, изучение которых подверглось специальному анализу в отечественной историографии. Историографические работы, посвященные рассмотрению отдельных проблем, изучавшихся Устюговым, выделены нами в четвертую группу. К ней относятся работы по историографии русского ремесла, возникновения капитализма в России и истории Башкирии XVII–XVIII вв. Изучение вопроса о генезисе капитализма в России в 1940–1960-е гг. было проанализировано Л. В. Даниловой и Ю. Р. Клокманом в разделе пятого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», посвященном историографии российской истории позднефеодального периода. Авторы данного раздела дали подробную характеристику дискуссий о социальной природе русской мануфактуры, роли товарного производства при феодализме и социальном расслоении русского крестьянства в XVII в. Они показали, что концепция раннего генезиса капитализма в России, активно отстаивавшаяся учениками Устюгова и А. А. Новосельского, во многом опиралась на положения, высказанные в

²⁷ Дёмина Т. А. Проблемы истории крестьянства Южного Зауралья в научном наследии Н. В. Устюгова // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 103–106.

²⁸ Циприс Л. А. И снова об Устюгове // Выдающиеся представители общественно-политической и духовной жизни Урала: тезисы докладов регион. науч. конф. Челябинск, 1997. С. 85–87.

²⁹ Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 242–252.

³⁰ Преображенский А. А. Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М., 2001. С. 714–720.

³¹ Комиссаренко А. И. Николай Владимирович Устюгов – участник сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958–1963 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования, методология, опыт и перспективы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 30–39.

устюговских работах о мелкотоварном производстве в России XVII в., солеваренной промышленности Прикамья и социальном расслоении русской черносошной деревни³². Написанный Даниловой и Клокманом раздел «Очерков истории исторической науки в СССР» стал последней крупной историографической работой, посвященной изучению вопроса о генезисе капитализма в России, что связано с утратой интереса исследователей к данной тематике в постсоветский период.

Вместе с тем в постсоветский период было продолжено изучение историографии российского ремесла и башкирских восстаний. Труды отечественных исследователей, посвященные истории российского ремесла X–XX вв., были проанализированы в диссертации С. М. Чистовой, защищенной в 2010 г. Чистова отметила вклад Устюгова и его коллег в изучение социального состава российских ремесленников. При этом она подчеркнула, что их попытки встроить историю российского ремесла в марксистско-ленинские схемы исторического процесса представляются сегодня малопродуктивными³³. Характеристику историографии башкирских восстаний XVII–XVIII вв. дали И. Г. Акманов и И. М. Гвоздиков в третьем томе «Истории башкирского народа», вышедшем в 2011 г. Они положительно оценили признание Устюговым феодального характера башкирского общества. Вместе с тем они обвинили Устюгова в идеализации политики царизма в Башкирии и дали негативную оценку проводившейся в его работах дегероизации башкирских восстаний³⁴.

В центре научных интересов Устюгова находилась российская история XVII в. Краткий обзор российских и зарубежных исследований по данной проблематике был предпринят в датской историографии. В 1979 г. в рамках выходившей в Дании серии «Проблемы истории России и Советского Союза» была опубликована работа С. О. Кристенсена «История России XVII в. Обзор исследований и источников», переведенная в 1989 г. на русский язык. В своем обзоре Кристенсен кратко изложил основные выводы работ Устюгова и его учеников, посвященных приказному строю и генезису капитализма в России XVII в.³⁵

В целом можно отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении истории советской исторической науки, историографическая картина жизни и творчества Н. В. Устюгова остается фрагментарной и неполной. В частности, в литературе не проводилась периодизация творческого пути Н. В. Устюгова и не изучались его адаптация к изменениям советской идеологии и эволюция его методологических взглядов. До настоящего времени не становились предметом научного анализа его труды по истории народов СССР. За рамками исследований оставался вопрос о связях его работ с трудами отечественных историков предшествующих и последующих поколений. Указанное состояние историографической разработки темы определило цель и задачи нашей работы.

Целью нашего исследования является реконструкция творческого пути Н. В. Устюгова и установление его вклада в развитие отечественной исторической науки. Данная цель определяет следующие задачи исследования:

- изучение формирования исторических взглядов Н. В. Устюгова;
- выявление теоретико-методологических принципов, лежавших в основе исследований Н. В. Устюгова;
- анализ основных исторических концепций, сформулированных Н. В. Устюговым;
- выделение основных этапов творческого пути Н. В. Устюгова;

³² Данилова Л. В., Клокман Ю. Р. Изучение истории России в период позднего феодализма // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V. С. 187–243.

³³ Чистова С. М. Отечественная историография городского ремесленного производства России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 107–147.

³⁴ Акманов И. Г., Гвоздиков И. М. Изучение истории башкир второй половины XVI–XVIII в. // История башкирского народа. Уфа, 2011. Т. III. С. 11–12.

³⁵ Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 51, 57, 107, 122, 133.

– анализ влияния работ Н. В. Устюгова на его учеников и коллег.

В соответствии с вышеназванными целями и задачами была сформирована источниковая база нашей работы. При отборе источников по теме исследования мы придерживались позиции С. О. Шмидта, подчеркивавшего важность привлечения архивных документов при написании историографических работ³⁶. Поэтому в основу работы были положены не только опубликованные, но и неопубликованные источники из фондов Архива РАН (далее АРАН): ф. 350, ф. 1535; Государственного архива Томской области (далее ГАТО): ф. 102; Научного архива Института Российской истории РАН (далее НА ИРИ РАН): ф. 1. раздел «А», ф. 10; Центрального архива Министерства обороны РФ (далее ЦАМО): ф. 33. Используемые в работе источники делятся на два блока: историографический и исторический. К историографическому блоку относятся пять групп источников: 1) научные труды Н. В. Устюгова; 2) научные труды, отредактированные Устюговым; 3) рецензии на его работы со стороны других историков; 4) научные труды коллег и предшественников Устюгова; 5) статьи партийных идеологов, отражающие изменения официальных оценок в исторической науке.

В свою очередь, первую группу, к которой относятся научные труды Устюгова, можно разделить на две подгруппы, различающиеся по степени выраженности в них научных взглядов историка. К первой подгруппе относятся статьи Устюгова в Трудах Историко-архивного института, Материалах научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству, Ежегодниках по аграрной истории Восточной Европы и сборниках научных конференций. Характерной особенностью источников данной подгруппы является относительная слабость идеологического контроля при их подготовке, внешним проявлением которой служит отсутствие в них ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. Благодаря этому в источниках данной подгруппы нашли отражение взгляды Устюгова, выходявшие за рамки официальной идеологии. К важнейшим источникам данной подгруппы относится статья «Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию», написанная на основе позитивистской методологии. Также среди источников данной подгруппы следует выделить статьи Устюгова о колонизации Южного Зауралья, содержащие вывод о взаимной обусловленности правительственной и вольной колонизации³⁷.

Ко второй подгруппе относятся монографии, разделы в обобщающих трудах, статьи в периодических и продолжающихся изданиях, учебная литература. Характерной особенностью источников данной подгруппы является наличие длительного редактирования, включающего стилистическую, идеологическую и научную правку готовившихся текстов. Поэтому при работе с ними следует учитывать, что взгляды Устюгова предстают в них приспособленными к той идеологической ситуации, которая существовала в момент публикации данных трудов. Важнейшими источниками данной подгруппы являются монографии «Башкирское восстание 1737–1739 гг.», «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.», статьи «Башкирское восстание 1662–1664 гг.» и «К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.». Данные работы содержат ключевые положения двух основных концепций, созданных Устюговым: «свободного вассалитета» башкир и раннего генезиса капитализма в России³⁸.

³⁶ Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

³⁷ Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 142–169; Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 33–42; Устюгов Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 67–74.

³⁸ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957; Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 30–110; Устюгов Н. В. К вопросу о

Характерной особенностью источников второй группы, в которую входят научные труды, отредактированные Устюговым, является сочетание в них взглядов Устюгова со взглядами других исследователей. При этом следует отметить, что отредактированные им работы нередко включали в себя целые пласты его текста. А. А. Преображенский позднее вспоминал, что в одной из стенгазет Института истории был размещен образец редакторской работы Устюгова, на странице которого сохранилось лишь 2–3 строки авторского текста, а всё остальное было написано редактором³⁹. Иногда текст, включённый Устюговым в состав редактируемого труда, в дальнейшем публиковался им уже под своим именем. В частности, текст о прогрессивном значении русской колонизации Башкирии был первоначально опубликован в первой части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» в отредактированном Устюговым параграфе Н. Г. Аполловой о политике царизма в Башкирии в первой половине XVIII в., а затем был напечатан в составе доклада Устюгова на научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству⁴⁰.

Источники третьей группы, к которой относятся рецензии на труды Устюгова со стороны его коллег, позволяют установить историографический контекст появления его работ и реакцию на них со стороны современников. Рецензии В. И. Шункова и С. Л. Пештича на монографию «Башкирское восстание 1737–1739 гг.» показывают трансформацию оценок работ советских историков под влиянием изменений официальной идеологии⁴¹. Рецензии В. К. Яцунского и С. Г. Струмилина на монографию «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.» содержат основные положения дискуссии о генезисе капитализма в России, развернувшейся в советской историографии после выхода данной работы Устюгова⁴².

С третьей группой тесно связана четвертая группа источников историографического блока, к которой относятся научные труды коллег Устюгова. Рассмотрение источников данной группы позволяет установить связь работ Устюгова с трудами предшественников и современников и оценить его вклад в историческую науку. Среди источников данной группы следует выделить труды А. П. Чулошникова и А. Н. Сперанского. Созданная Устюговым концепция башкирских восстаний во многом представляла собой опровержение взглядов Чулошникова, а идеи Сперанского послужили стимулом для создания Устюговым концепции раннего генезиса капитализма в России⁴³.

Источники пятой группы, к которой относятся сочинения идеологов марксизма-ленинизма, позволяют установить характер и направление официального партийного курса, определявшего научную деятельность советских историков. Среди источников данной группы следует выделить сочинения классиков марксизма-ленинизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина (в 1930–1950-е гг.), оказавшие решающее влияние на концептуальное творчество Устюгова. Из руководящих текстов партийных идеологов на творчество Устюгова оказали наибольшее влияние те, которые определяли смену официальных оценок истории

социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961. № 6. С. 60–79.

³⁹ Преображенский А. А. Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М., 2001. С. 718.

⁴⁰ Аполлова Н. Г. Хозяйство, социальные отношения и политика царизма в Башкирии в первой половине XVIII в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 144–145; Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 111.

⁴¹ Шунков В. И. Рец. на: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 144–146; Пештич С. Л. Об одной ошибочной книге и некритической рецензии // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 10. С. 107–115.

⁴² Яцунский В. К. Рец. на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 193–196; Струмилин С. Г. Рец. на: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 172–175.

⁴³ Чулошников А. П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Ч. I. С. 3–64; Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

Башкирии в 1930–1950-х гг.: рецензия сотрудника ЦК ВКП(б) М. А. Морозова на «Историю Казахской ССР» и статья М. Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля»⁴⁴.

По своим характеристикам пятая группа историографических источников близка к источникам исторического блока. Исторический блок источников делится на три вида: нормативно-правовые акты, материалы делопроизводства, источники личного происхождения.

Использованные в работе нормативно-правовые акты отражают государственную политику в сфере образования и науки в рассматриваемый период. Среди данных актов следует выделить два постановления ЦК ВКП(б), оказавшие значительное влияние на творчество Устюгова. Совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» создало условия для возрождения исторической науки в Советском Союзе, что позволило Устюгову стать профессиональным историком⁴⁵. Постановление ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» определило направление переработки первой редакции «Очерков по истории Башкирии» в послевоенный период⁴⁶. Наряду с постановлениями ЦК ВКП(б) значительное влияние на характер официальной идеологии оказывали постановления нижестоящих государственных органов. Так, общая линия переоценки истории народов СССР в довоенный период была задана постановлением жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы, провозглашавшим присоединение к России наименьшим злом для украинцев и грузин⁴⁷.

Среди использованных делопроизводственных документов особую ценность представляют протоколы и стенограммы совещаний, посвященных обсуждению трудов, в подготовке которых принимал участие Устюгов. С одной стороны, источники данной группы позволяют выявить взгляды Устюгова по различным историческим вопросам, не подвергнувшиеся редакторской обработке. С другой – они позволяют установить реакцию на высказывание Устюговым своих взглядов со стороны его коллег. Среди источников данной группы следует выделить стенограммы совещания Башкирской комиссии 4–7 февраля 1946 г. и заседания сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР 23 марта 1950 г.⁴⁸

Источники личного происхождения раскрывают отношение советских историков к исторической науке, преподаванию и коллегам. При работе над монографией было использовано три разновидности источников личного происхождения: переписка, дневники и мемуары. Эпистолярные источники, раскрывая взгляды Устюгова, также содержат ценный фактический материал для реконструкции его биографии в периоды непрофессиональных занятий исторической наукой (1924–1934) и участия в Великой Отечественной войне (1941–1945). Важные биографические сведения содержатся в письмах Устюгова, адресованных Т. А. Бакуниной (Осоргиной) и Е. И. Каменцевой⁴⁹, и письмах С. Н. Дурылина, адресованных Устюгову⁵⁰.

⁴⁴ Морозов М. А. Об «Истории Казахской ССР» // *Большевик*. 1945. № 6. С. 74–80; Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик*. 1950. № 13. С. 21–37.

⁴⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // *Историк-марксист*. 1934. № 3. С. 83–84.

⁴⁶ Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» // *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. С. 539–544.

⁴⁷ Постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы // *Исторический журнал*. 1937. № 8. С. 1–5.

⁴⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 83, 84, 95.

⁴⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13; Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // *Советская историография отечественной истории*. М.: МГИАИ, 1988. С. 77–97.

⁵⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 85.

Использованные в работе мемуарные источники можно разделить на три подгруппы: воспоминания однокурсников Устюгова, воспоминания его коллег и воспоминания студентов МГИАИ. Воспоминания однокурсников Устюгова содержат ценные сведения о формировании его исторических взглядов и научных интересов⁵¹. Воспоминания коллег Устюгова демонстрируют восприятие его научной деятельности и его концептуальных построений другими советскими историками⁵². Данные источники отражают в первую очередь индивидуальность их авторов. Сообщаемая в них информация нередко содержит неточности, а приводимые оценки коллег авторов продиктованы личными взаимоотношениями между ними. Примером этого служат «Воспоминания историка» Н. И. Павленко, который критически относился к творчеству Устюгова и его учеников, названных им ироническим термином «лаптеведы»⁵³. В своих воспоминаниях Павленко утверждал, что монография Устюгова о башкирском восстании 1737–1739 гг. содержала положительные оценки башкирского движения и носила описательный характер⁵⁴. Между тем в этой монографии Устюгов писал о реакционной составляющей башкирского восстания и выдвигал концепцию «свободного вассалитета» башкир⁵⁵. Менее пристрастный характер носят воспоминания студентов МГИАИ, передающие впечатление, производившееся лекциями и семинарами Устюгова на их слушателей⁵⁶.

Обработка описанной выше источниковой базы велась в соответствии с методологическими принципами нашей работы. Основной методологией нашего исследования является интеллектуальная история. Следует отметить, что термин «интеллектуальная история» принадлежит к числу самых многозначных понятий современного гуманитарного знания. Он возник в американской исторической науке 1930-х гг. и первоначально применялся для обозначения работ, посвященных истории важнейших философских и политических идей. Наиболее видными представителями этого направления являлись П. Миллер и А. Лавджой. В то же время во Франции, в трудах представителей первого поколения школы «Анналов» (Л. Февра и др.) возникла история ментальностей, направленная на изучение коллективных представлений, языка и символов рассматриваемой эпохи. Между тем начиная с 1960-х гг. традиционные установки американской истории идей стали подвергаться последовательной критике за игнорирование социальных факторов формирования идейных представлений. Радикальное методологическое обновление интеллектуальной истории произошло в 1980-е гг., когда в результате синтеза истории идей Миллера и Лавджоя и французской истории ментальностей возникла социальная история идей. С этого времени началось активное развитие исследований по интеллектуальной истории. Сегодня интеллектуальная история направлена на изучение всего разнообразия творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и резуль-

⁵¹ Закс А. Б. Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 197–202; Неусыхин А. И. Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 23–25.

⁵² Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–382; Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 8. С. 32–34. № 10. С. 22–24; Чемерис В. П. Несколько лет из прошлого: время, события, люди [Электронный ресурс]. URL: http://posredi.ru/blog08_20_BFAN_1951–1954.html (дата обращения: 31.07.2015).

⁵³ Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. С. 60; Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 22.

⁵⁴ Павленко Н. И. Воспоминания историка // Родина. 2010. № 10. С. 24.

⁵⁵ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 5–9.

⁵⁶ Батаева Т. В. «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...» Воспоминания об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 88–110; Из воспоминаний об Историко-архивном институте. Интервью Н. Ф. Демидовой А. Ю. Клименко и Е. В. Пчелову // Гербовед. № 95. 2007. С. 8–18; Историко-архивный институт. Сборник воспоминаний [Электронный ресурс]. URL: <http://iai.ruh.ru/section.html?id=9512> (дата обращения: 20.01.2015); Каменцева Е. И. Первые годы работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института // Гербовед. 2004. № 75. С. 8–11; Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 74–97; Преображенский А. А. Из воспоминаний об учителе // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 48–56.

таты⁵⁷. Такая широкая формулировка проблемного поля интеллектуальной истории позволяет отнести к числу объектов ее изучения развитие не только отдельных идей, но и целых отраслей научного знания, и в частности развитие исторической науки. Изучение прошлого исторической науки в рамках интеллектуальной истории подразумевает приоритетное внимание к изменению форм и методов работы историков, смене их концепций в контексте духовной культуры, социально-политических, информационно-идеологических и организационных условий конкретной эпохи⁵⁸.

Последняя четверть XX в. была отмечена в мировой историографии не только развитием интеллектуально-исторических исследований, но и ростом интереса к роли человеческой индивидуальности, выразившимся в появлении персональной истории. Историки, работающие в рамках персональной истории, отошли от характерных для традиционного биографического жанра акцентов на выдающихся деяниях своих героев и сосредоточили свое внимание на связи личности и общества, проявляющейся в судьбах отдельных людей⁵⁹. В начале XXI в. в украинской и российской историографии возник жанр интеллектуальной биографии, сочетающей в себе черты интеллектуальной и персональной истории⁶⁰. На наш взгляд, критерии, определяющие специфику данного жанра, наиболее точно были сформулированы П. А. Алиповым, писавшим, что его отличительными чертами являются внимание к интеллектуальной эволюции героев исследования и влиянию на них окружающей социокультурной среды⁶¹. Историографическая тематика нашей работы и выбор в качестве предмета исследования творческого пути отдельного ученого обуславливают ее выполнение в жанре интеллектуальной биографии.

Кроме вышеназванных подходов в работе используется генерационный подход, представляющий развитие человеческого общества как взаимодействие различных поколений. Формирование данного подхода происходило в 1920-е гг., когда философы (Х. Ортега-и-Гассет) и социологи (К. Мангейм) обратились к вопросу о месте различных поколений в социуме и взаимоотношениях между ними. В дальнейшем генерационный подход нашел широкое применение в социологии, но остался почти не востребован историками. В российской историографии данный подход получил наибольшее распространение в исследованиях по истории советской исторической науки. Основоположителем применения данного подхода к указанной тематике стала Л. А. Сидорова, выступившая в 2000-е гг. с циклом работ, в которых особенности творчества историков связывались с их принадлежностью к определенному поколению исследователей. Согласно ее мнению, критерием, объединяющим историков в одно поколение, является период, в который они начали заниматься исторической наукой⁶².

Методической основой нашего исследования являются специальные методы исторической науки: историко-генетический и историко-типологический, используемые для реконструкции биографии и взглядов Устюгова. Также в работе задействован метод текстологического анализа, применяемый для воссоздания истории написания обобщающих трудов, в подготовке которых принимал участие Устюгов.

Завершая введение к работе, автор хотел бы выразить благодарность всем тем, кто помогал в ее подготовке. И. В. Побережникову, выступившему научным руководителем кандидат-

⁵⁷ Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 334.

⁵⁸ Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 391–392.

⁵⁹ Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 302–303.

⁶⁰ Базанов М. А. Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 221, 226.

⁶¹ Алипов П. А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 18.

⁶² Сидорова Л. А. Указ. соч. С. 5.

ской диссертации, на основе которой была подготовлена данная монография. Н. Н. Алеврас, В. В. Тихонову, В. П. Корзун и В. Г. Рыженко, чьи официальные отзывы на диссертацию позволили выявить основные недостатки работы и частично преодолеть их при ее переработке в монографию. М. А. Базанову, Е. В. Пчёлову, Р. Г. Букановой, М. О. Акишину и А. М. Дубровскому, сделавшим отзывы на автореферат диссертации, содержавшие ценные замечания к данной работе. Отдельную благодарность автор выражает А. И. Комиссаренко, не только подготовившему отзыв на автореферат, но и поделившемуся рядом важных наблюдений о своей совместной работе с Н. В. Устюговым. Также хотелось бы поблагодарить М. А. Киселёва и К. И. Зубкова, активно участвовавших в обсуждении данной работы в форме диссертации в Институте истории и археологии УрО РАН и способствовавших ее улучшению своими советами и содержательной критикой. Особую благодарность автор выражает заведующему Научно-историческим архивом Института российской истории РАН К. С. Дроздову, чья высокопрофессиональная помощь позволила ему найти в фондах данного архива черновые рукописи «Очерков по истории Башкирской АССР», ставшие одним из основных источников самой большой главы данной работы.

Глава 1. Формирование тематики исследований Н. В. Устюгова

1.1. Начало формирования исторических взглядов

Одним из проявлений процесса модернизации, протекавшего в России в XVIII – XX вв., была постепенная секуляризация социума, выражавшаяся, в частности, в отказе детей священнослужителей от духовной службы и их включении в ряды интеллигенции. И хотя после революции 1917 г. большевистская партия взяла курс на создание новой пролетарской интеллигенции, процесс ее пополнения выходцами из духовного сословия продолжался и в первые годы советской власти⁶³. К сыновьям священников, выбравших после революции научную и педагогическую деятельность, принадлежал и выдающийся историк, профессор МГИАИ Николай Владимирович Устюгов.

Будущий ученый родился 23 декабря 1896 г. (4 января 1897 г. по новому стилю) на хуторе Синеглазовском Челябинского уезда Оренбургской губернии в семье Владимира Владимировича и Екатерины Ивановны Устюговых⁶⁴. Кроме Николая в семье была еще старшая сестра Анна, родившаяся в 1895 г.⁶⁵ Владимир Владимирович Устюгов происходил из крестьянского сословия⁶⁶. Сын вятского крестьянина, он окончил городское училище и не получил специального духовного образования. Тем не менее многолетние самостоятельные занятия богословием позволили ему принять сан священника. Несмотря на отсутствие аттестата семинарии, он выделялся среди сельских священников своей образованностью и ревностью в служении. Отец Владимир организовывал церковно-приходские школы и активно проповедовал православную веру среди оренбургских казаков, придерживавшихся старообрядчества. В 1899 г. он перевелся в село Кочердык Челябинского уезда, а в 1913 г. стал священником на станции Полетаево, расположенной неподалеку от Челябинска. Когда в 1917 г. часть прихожан попыталась заменить его священником, получившим семинарское образование, большая часть паствы выступила в его поддержку, и он продолжил службу в Полетаево⁶⁷.

Николай Устюгов первоначально готовился к продолжению духовной карьеры отца. В 1907 г. он поступил в четырехклассное Челябинское духовное училище. Будучи одним из лучших воспитанников училища, Устюгов окончил его в 1912 г. с правом поступления в духовную семинарию без экзаменов⁶⁸. В том же году он поступил в Оренбургскую духовную семинарию. Полный срок обучения в семинариях в то время составлял 6 лет, но для поступления в университет достаточно было проучиться в них лишь 4 года. Последние два года семинарского обучения посвящались исключительно богословским наукам и непосредственной подготовке выпускников к пастырскому служению⁶⁹. Устюгов проучился в семинарии именно 6 лет,

⁶³ Федюкин С. А. Советская интеллигенция в 20-х гг. // Изменения социальной структуры советского общества 1921 – середина 30-х гг. М., 1979. С. 147–152, 165.

⁶⁴ ГАТО. Ф. 102. Оп. 7. Д. 479. Л. 2.

⁶⁵ АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318. Л. 110–110 об.; НА ИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 5. Ед. хр. 29. Л. 52.

⁶⁶ Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 32.

⁶⁷ *Гражданин У-ский*. Приходские «дельцы» // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 12 июля. № 27. С. 4.

⁶⁸ Духовенство и церковные деятели по публикациям Оренбургских епархиальных ведомостей за 1912–1917 гг. Челябинск, 2012. Т. 4. С. 205.

⁶⁹ Сушко А. В. Духовные семинарии в России до 1917 г. // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 110.

вплоть до мая 1918 г.⁷⁰ Точно не известно, что побудило его остаться в двух последних классах семинарии, но, возможно, это было связано с тем, что семинаристы пользовались отсрочкой от военного призыва, что было особенно актуально в условиях Первой мировой войны, когда освобождение единственных сыновей в семье от воинской повинности было фактически ликвидировано. Обучаясь в семинарии, Устюгов продемонстрировал значительные успехи в освоении ее учебной программы. Он получил отличные оценки по всем предметам, вошедшим в аттестат, за исключением церковной археологии и церковного пения, по которым он получил оценку «очень хорошо», соответствующую отметке «четыре»⁷¹.

Закончив Оренбургскую семинарию со званием студента, которое присваивалось только лучшим выпускникам, Устюгов уехал к семье в Челябинский уезд на станцию Полетаево⁷². Начиналась Гражданская война, и в июне 1918 г. Полетаево перешло под контроль Чехословацкого корпуса. Но, несмотря на начало боевых действий, Устюгов решил, после окончания семинарии, продолжить образование в высшем учебном заведении и в сентябре 1918 г. поступил на первый курс историко-филологического факультета Томского университета⁷³. Выбор для обучения именно Томского, а не более близкого Казанского университета был, очевидно, связан с тем, что Казань в августе-сентябре 1918 г. фактически находилась на линии фронта, в то время как Томск представлял собой глубокий тыл белых войск. Но по финансовым причинам обучение в Томском университете пришлось прервать вскоре после начала занятий. Из-за недостатка средств Устюгов был вынужден вернуться домой и проработать 1918–1919 учебный год учителем в железнодорожной школе I ступени в Полетаево.

В конце июля 1919 г. Полетаево перешло под контроль Красной армии, продолжившей наступление в Сибирь. В конце августа – начале сентября того же года красноармейское наступление было ненадолго приостановлено в районе Тобольска – Петропавловска. Тем не менее осенью 1919 г. Устюгов вновь приехал в Томск, для чего ему пришлось пересечь линию фронта, и внес плату за обучение в первой половине учебного года⁷⁴. Но столкнувшись с невозможностью найти работу в самом городе, он был вынужден устроиться учителем в железнодорожную школу I ступени на станцию Литвиново, находящуюся в 130 км от Томска⁷⁵. Позднее Устюгов вспоминал, что в это время он также трудился на медицинском поприще, принимая участие в борьбе с эпидемией сыпного тифа⁷⁶.

Летом 1920 г. Устюгов вновь был направлен для работы учителем в Полетаево, но поскольку руководство железной дороги не оформило на него документы об отсрочке от военной службы, он был призван в ряды РККА. Поначалу он проходил службу на административных должностях в Челябинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством и Челябинском военном комиссариате. Позднее, в сентябре 1921 г., ему удалось стать штатным преподавателем и начальником учебной части 97-х пехотных учебных курсов, расквартированных в Челябинске⁷⁷.

В 1921 г., когда Устюгов находился в армии, началась кампания по пролетаризации высшего образования, в ходе которой право преимущественного поступления в вузы предоставлялось абитуриентам, командированным на учебу партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями⁷⁸. Несмотря на то, что родители Устюгова принадлежали к духовному

⁷⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63.

⁷¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 7. Д. 479. Л. 1–1 об.

⁷² АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6.

⁷³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 102. Оп. 7. Д. 479. Л. 8.

⁷⁵ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6.

⁷⁶ Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 81.

⁷⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 1–4.

⁷⁸ Андреев Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 272–273.

сословию, а сам он никогда не состоял ни в партии, ни в комсомоле, именно эта кампания помогла ему стать студентом университета. Это было связано с тем, что приоритетом при поступлении, наряду с вышеназванными категориями лиц, обладали и красноармейцы. И в конце 1921 г. руководство курсов направило Устюгова по его просьбе на учебу в Московский университет, носивший в то время название 1-го МГУ. Юридически его поступление было оформлено как перевод из Томского университета на второй курс МГУ, и в феврале 1922 г. он приступил к занятиям на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук (далее ФОН)⁷⁹.

Общественно-педагогическое отделение до марта 1921 г. носило название исторического и было переименовано в связи с изданием декрета СНК «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», по которому исторические и филологические отделения подлежали упразднению⁸⁰. Целью отделения провозглашалась подготовка учителей обществознания, заменявшего в советской школе курс истории. Переименование отделения сопровождалось коренными изменениями в учебной программе, связанными со стремлением большевистской партии установить идеологический контроль над высшей школой.

Анализируя зачетную книжку Устюгова, мы выделили в учебной программе отделения четыре блока дисциплин, различавшихся по цели и методике преподавания: идейно-политический, экономико-статистический, исторический и педагогический. Наибольшее значение придавалось предметам первого блока, которые должны были читаться преподавателями-коммунистами. К этим предметам относились курсы по истории социализма, истории первобытной культуры и учению о происхождении и развитии общественных форм, истории русской революции, истории Запада XIX в. и истории рабочего движения, преподававшиеся, соответственно, деканом ФОН В. П. Волгиным, П. Ф. Преображенским, В. Н. Сторожевым, Н. М. Лукиным и В. Я. Яроцким⁸¹. Также, наряду с историческими дисциплинами, к данному блоку относились курсы исторического материализма, читавшегося Н. И. Бухариным; экономической политики СССР, преподававшейся М. Г. Бронским; государственного права и государственного устройства РСФСР, читавшихся Д. А. Магеровским, и семинар по историческому материализму повышенного типа, руководителем которого был С. С. Кривцов⁸². Кроме вышеназванных предметов, к идейно-политическому блоку можно отнести философские и экономические курсы, преподаватели которых не состояли в партии большевиков и применяли марксизм как научную теорию. К ним относились курсы политической экономии капитализма, преподававшейся И. А. Трахтенбергом; логики и методологии общественных наук, читавшейся Г. О. Гордоном, истории мировоззрений, читавшейся А. В. Кубицким, и семинар по диалектическому материализму, руководителем которого была Л. И. Аксельрод. К предметам первого блока примыкали и два курса, которые мы выделили в отдельный экономико-статистический блок: теория статистики, преподававшаяся активным членом партии эсеров П. А. Вихляевым, и семинар по политической экономии, руководителем которого был бывший депутат Государственной думы и министр путей сообщения в составе Временного правительства Н. В. Некрасов, работавший под псевдонимом В. А. Голгофский⁸³. Вероятно, по замыслам составителей учебной программы, эти курсы также должны были служить цели идейно-политического воспитания студентов, но поскольку их преподаватели были далеки от любых разновидностей марксизма, мы посчитали невозможным их отнесение к идейно-политическому блоку.

⁷⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 68.

⁸⁰ *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки. М., 1968. С. 20.

⁸¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

⁸² АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

⁸³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

Несмотря на то, что официальной целью отделения являлась подготовка учителей обществознания, дисциплины педагогического блока составляли небольшую долю среди учебных курсов, выбранных Устюговым. Марксистом-ленинцем среди преподавателей данных предметов был только К. Н. Корнилов, читавший курс по теоретической педагогике и руководивший семинаром по трудовой школе. Другие преподаватели, читавшие курсы педагогического блока, принадлежали к ученым «старой школы» и марксистской методологии не придерживались. Единственным педагогом среди них был Н. Г. Тарасов, руководивший семинаром по методике обществознания и много лет преподававший в одной из московских гимназий и Педагогическом институте имени П. Г. Шелапутина. Однако это не означает, что другие преподаватели этого блока были непрофессионалами и обладали низкой квалификацией. Б. И. Сыромятников, читавший курс по истории народного образования в России в связи с историей образования и педагогической мысли на Западе, был незаурядным историком; А. Г. Цирес, руководивший семинаром по педагогике и психологии мышления, был талантливым философом и искусствоведем; Г. И. Челпанов, читавший курс психологии, являлся одним из крупнейших представителей московской психологической школы⁸⁴.

Стремясь минимизировать влияние представителей «старой профессуры» на студенчество и столкнувшись с острой нехваткой специалистов-коммунистов, руководство ФОН сделало необязательными лекционные курсы по всем историческим предметам, за исключением истории России XIX–XX вв. и истории Запада за тот же хронологический отрезок⁸⁵. В качестве обязательных предметов руководством ФОН устанавливались курсы, которые должны были преподаваться коммунистами и давать идейно-политическое воспитание: исторический материализм, политическая экономия, история развития общественных форм, история России и история Запада в XIX–XX вв., экономика переходного периода⁸⁶. Однако членов коммунистической партии, пригодных к преподаванию в высшей школе, остро не хватало, поэтому весной 1922 г. Устюгову курс истории России в первой половине XIX в. читал бывший член ЦК кадетской партии, один из крупнейших представителей московской исторической школы – А. А. Кизеветтер⁸⁷. Принципиально немарксистское содержание этого курса заставляет нас отнести его к следующему блоку учебных дисциплин – собственно историческому.

Большая часть предметов этого блока выбиралась для прослушивания самими студентами, и перечень исторических курсов, прослушанных Устюговым, позволяет выявить его научные интересы в период обучения в высшей школе. Кроме курса Кизеветтера, в весеннем и летнем триместрах 1922 г. он прослушал курсы по истории Греции, истории Римской империи и истории Средних веков, читавшиеся, соответственно, Д. Н. Егоровым, В. С. Сергеевым и Д. М. Петрушевским⁸⁸. В 1922–1923 учебном году Устюгов прослушал курсы по удельному периоду русской истории, истории России XVI–XVII вв. и общей экономической истории Средних веков, преподававшиеся, соответственно, С. В. Бахрушиным, М. М. Богословским и Д. М. Петрушевским. Из лекционных курсов, прослушанных Устюговым в 1923–1924 учебном году, к историческому блоку могут быть отнесены только курсы по методологии истории, экономической истории России XIX в. и истории рабочего класса в Англии в Средние века, читавшиеся, соответственно, А. И. Яковлевым, В. Н. Бочкарёвым и Е. А. Косминским⁸⁹. Следует отметить, что курс Яковлева по методологии истории принадлежал к числу факультативных предметов,

⁸⁴ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1–2.

⁸⁵ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 30.

⁸⁶ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 24.

⁸⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

⁸⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

⁸⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об. – 2 об.; АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1–20.

к которым также относились курсы по истории интернационала, философии материализма, технике исторического исследования и экскурсионному делу и краеведению⁹⁰.

На наш взгляд, выбор Устюговым из данного перечня курса по методологии истории свидетельствует о формировании у него уже в студенческие годы интереса к фундаментальным проблемам исторической науки. В дальнейшем лежавшие в основе яковлевского курса позитивистские идеи оказали значительное влияние на самостоятельное научное творчество Устюгова. Говоря о влиянии университетских предметов на дальнейшее творчество Устюгова, важно подчеркнуть, что, по данным его зачетной книжки, он не изучал историю стран Запада в раннее Новое время (XVI–XVIII вв.). Вероятно, отсутствие в учебном плане Устюгова курса по истории Европы в эпоху формирования в ней капиталистических отношений в дальнейшем повлияло на разработку им концепции раннего генезиса капитализма в России, которой он активно занимался в 1950–1960-х гг.

Относительно небольшое количество лекционных курсов в учебной программе студентов ФОН повышало значение учебных семинаров, традиционной формой которых в то время являлось обсуждение докладов, подготовленных студентами по темам, определенным руководителем семинара⁹¹. При этом нередко в роли руководителей семинаров выступали выдающиеся ученые-историки. Весной 1922 г. одновременно с прослушиванием лекционного курса А. А. Кизеветтера Устюгов занимался в его семинаре по истории сословий⁹². В 1922–1923 учебном году он занимался в семинарах С. В. Бахрушина по удельному периоду русской истории и в просеминарии Е. В. Оловянишниковой по экономической и культурной истории Средних веков. Занимаясь в бахрушинском семинаре, Устюгов выполнил работы «Бояре и слуги вольные в удельную эпоху» и «Управление Московским государством в эпоху Владислава (1610–1612)»⁹³. В 1923–1924 учебном году именно семинары составили основную часть выбранных им учебных дисциплин. В это время он принимал участие в семинарах А. И. Яковлева по земскому положению 1864 г. и политическим проектам эпохи Александра I, где горячо отстаивал научность и объективность в изучении истории. Его соученица А. Б. Закс, вспоминая его участие в семинаре по эпохе Александра I, писала: «Хотя тема звучала довольно сухо и академично <...> в аудитории горели страсти. Одна группа участников семинара, считая себя марксистами, и увлеченная трудами М. Н. Покровского, критиковала „старых“ историков, провозглашала прямую зависимость надстройки от базиса и классовую борьбу единственным двигателем процесса. Их лидером был студент Я., державшийся довольно нахально: ругал „фактологию“ и сыпал цитатами из Маркса – Ленина – Покровского. Его ярким оппонентом был будущий известный историк Н. В. Устюгов. Внешне он проигрывал, в сравнении с высоким, громкоголосым Я. Худенький, с острой бородкой и небольшими умными глазами. Он поражал не только знанием фактического материала, но и умением создать образ „действующих лиц“. Возникало впечатление, что он лично знаком со всеми – от царя до крестьянина. Он единственный из всех нас использовал для своего доклада архивные материалы. Семинар нередко посещали студенты других отделений, желающие послушать „классовую борьбу“ на яковлевском семинаре»⁹⁴.

В то время многие семинары продолжались в течение нескольких лет и становились серьезной научной школой для студентов разных курсов, совместно работавших на семинарских занятиях. К числу таких семинаров принадлежали семинары В. И. Пичеты по аграрному развитию России XIX в. и Д. М. Петрушевского по поместному строю раннего Средневеко-

⁹⁰ Сковрцов А. М., Гришина Н. В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. С. 53.

⁹¹ Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. Уфа, 1973. С. 427–429.

⁹² АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

⁹³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 6 об.

⁹⁴ Закс А. Б. Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка // Археографический ежегодник. 1993. М., 1995. С. 199.

вья. Следует отметить, что в дальнейшем Устюгов называл своими учителями в исторической науке именно Петрушевского и Пичету⁹⁵. В семинаре Пичеты Устюгов занимался с 1922 по 1924 г. и был секретарем семинара. В осеннем триместре 1922–1923 учебного года семинар носил исключительно учебный характер и был посвящен подготовке крестьянской реформы 1861 г. Его форма была традиционной и заключалась в подготовке докладов по темам, предложенным руководителем семинара. В то время как остальные участники сделали в осеннем триместре по одному докладу, Устюгов сделал два доклада, посвященных основным моментам крестьянской реформы и подготовке реформы в освещении Покровского⁹⁶.

В весеннем триместре доклады участников семинара стали заметно серьезнее, и он уже приобрел научный характер. В этом триместре Устюгов продолжил проявлять наибольшую активность среди участников семинара и выступил с шестью докладами, в то время как большинство участников (за исключением В. Н. Розенталя, подготовившей два доклада) вновь сделали по одному выступлению. На одном из первых заседаний семинара в весеннем триместре Устюгов сделал доклад об организации крестьянского самоуправления по Положению 19 февраля 1861 г. При этом язвительные замечания о Положении, сделанные им в докладе, вызвали критику со стороны Пичеты, подводившего итоги каждого заседания семинара. Он заметил, что своим хлестким тоном Устюгов ослабил силу тех выводов, которые естественно вытекали из его работы⁹⁷. Следует отметить, что Пичета был последовательным сторонником научной объективности и противником априорных оценок и нигилистического отношения к прошлому, набравших силу в исторической науке в связи с утверждением советской версии марксизма. Когда одна из участниц семинара – В. В. Овчинникова – выступила со слабо подготовленным докладом, он сделал ей ряд критических замечаний и назначил официальных оппонентов – Устюгова и В. Г. Бакулину. Критикуя доклад, Пичета заметил: «Историческая наука конкретна – нужно отталкиваться от факта. Первая часть работы Овчинниковой – теоретическое введение с некоторым уклоном в сторону марксизма. Это введение является излишним, так как дается оценка явления еще не проанализированного. Теоретические выводы могут быть сделаны только в конце, как то, что вытекает из работы»⁹⁸. Устюгов, разбирая доклад Овчинниковой, указал на неточные ссылки и неверное истолкование отдельных статей Положения 19 февраля 1861 г.⁹⁹

В 1923–1924 учебном году семинар Пичеты был посвящен аграрному развитию пореформенной России. Как и в предыдущие триместры, Устюгов проявлял в новом учебном году наибольшую активность, сделав два доклада и выступив с критическими замечаниями по докладу одного из участников семинара (все остальные участники сделали по одному докладу). На втором заседании семинара Устюгов сделал доклад о сельскохозяйственной промышленности в Курганском уезде в начале XX в. по данным Курганского уездного совещания и Тобольского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В своем резюмирующем замечании Пичета крайне высоко оценил его работу, подчеркнув совершенство, с которым она выполнена, и сказав: «Против нее нечего возразить ни с точки зрения использованного материала, ни со стороны метода. В докладе нет ничего недоговоренного, и в нём не сказано ни одного лишнего слова. В результате – ясное и отчетливое представление о сельскохозяйственной промышленности края даже для тех, кто совершенно не знаком с Курганским уездом»¹⁰⁰. Через месяц после выступления с докладом о сельском хозяйстве Курганского уезда, в декабре

⁹⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 65 – 65 об.; *Черепнин Л. В.* К 10-летию со дня смерти Н. В. Устюгова // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII – XX вв. М.: Наука, 1984. С. 314.

⁹⁶ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 1 об.

⁹⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 2–2 об.

⁹⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 4 об. – 5.

⁹⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 4, 5 об., 9 об., 14 об., 18.

¹⁰⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 26.

1923 г., Устюгов сделал доклад, посвященный рассмотрению вопроса о землевладении и землепользовании в Минском уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пичета вновь высоко оценил его работу, заметив при этом, что последняя фраза доклада «В трудах комитета не слышно голоса крестьянства» не вытекает логически из доклада и является излишней. По мнению Пичеты, имевшиеся источники не давали достаточно материала для того, чтобы строить предположения о мнениях крестьян по данному вопросу¹⁰¹.

Наряду с историей русского крестьянства XIX в. в центре внимания Устюгова в тот период находилась аграрная история западноевропейского Средневековья, изучавшаяся им в 1922-1924 гг. в вышеназванном семинаре Петрушевского. В то время в семинаре Петрушевского изучался Сен-Жерменский полиптик начала IX в., содержащий описание владений Сен-Жерменского аббатства в Северной Франции. Занимавшийся одновременно с Устюговым в этом семинаре известный медиевист А. И. Неусыхин позднее вспоминал, что каждый участник семинара делал доклад по одной из глав памятника, который обсуждался остальными участниками, изучавшими другие главы. Поскольку различные имения аббатства по своей структуре были не похожи друг на друга, то и выводы докладчиков существенно отличались, что толкало каждого на изучение других глав полиптика. При этом, по воспоминаниям Неусыхина, «не все принимались за это с такой тщательностью и добросовестностью, как Н. В. Устюгов: в течение двух лет он, переходя от одной главы памятника к другой, изучил весь полиптик, стремясь установить закономерности в различиях между разными поместьями и применяя для этой цели статистический метод (подсчеты натуральных и денежных оброков с разных категорий мансов и количественного соотношения самих этих категорий в различных имениях), а также исследование терминологии памятника... Н. В. Устюгов <...> столь активно участвовал в описанном семинаре потому, что совершенно правильно считал полезным для специалиста по русской экономической истории знать аграрную историю Западной Европы и методику ее изучения по источникам. Мы все, его товарищи, зная это, особенно ценили его работу над полиптиком, о которой высоко отзывался и руководитель семинария. Николай Владимирович пользовался среди нас заслуженным авторитетом»¹⁰². Всего за время занятий в семинаре Петрушевского Устюгов выполнил четыре доклада, которые были высоко оценены руководителем семинара¹⁰³.

В начале 1920-х гг. на факультете общественных наук сохранялась предметная система обучения, введенная в Московском университете еще в 1906 г. Согласно ей, студенты сами определяли сроки прохождения учебного плана, записываясь в начале триместра на те курсы, которые они желали прослушать¹⁰⁴. Напряженно занимаясь освоением университетской программы, Устюгов смог выполнить учебный план за минимальный срок и закончить ФОН 1-го МГУ в мае 1924 г. Во время обучения он сдал все экзамены на высшую оценку «весьма удовлетворительно». Исключением был только экзамен по государственному устройству РСФСР, на котором он получил оценку «удовлетворительно», аналогичную современной оценке «хорошо»¹⁰⁵.

Подводя итоги, следует отметить, что решающими факторами, повлиявшими на формирование исторических взглядов Устюгова, стали происхождение и образование. На наш взгляд, общественно-политический компонент исторических взглядов ученого формировался в основном под влиянием фактора происхождения, а научный – под влиянием фактора образования. Являясь сыном сельского священника, сохранившим связь с отцом в годы гонений

¹⁰¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л.

¹⁰² Неусыхин А. И. Несколько воспоминаний о встречах с Н. В. Устюговым // Города феодальной России. М., 1966. С. 23–24.

¹⁰³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 10.

¹⁰⁴ Пержовская Г. А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 180–181; Неусыхин А. И. Указ. соч. С. 23.

¹⁰⁵ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1–2.

на церковь, Устюгов остался чужд коммунистическим идеям и не вступил ни в комсомол, ни в компартию. Обучаясь в университете, он не стал сторонником «красных профессоров», а выступил в качестве последователя историков «старой школы».

Получение Устюговым профессионального исторического образования в 1920-е гг. позволило основоположнику генерационного подхода к изучению истории советской исторической науки Л. А. Сидоровой отнести его к первому марксистскому поколению отечественных историков¹⁰⁶. Однако выделяемые ею характерные особенности этого поколения: догматическая модель использования марксизма, доминирование партийно-классового подхода при изучении и оценке исторических явлений – не прослеживаются в творчестве Устюгова. Это отмечает и сама Сидорова, показывающая творческий подход Устюгова к использованию марксистской теории при изучении вопроса о генезисе капитализма в России¹⁰⁷.

Нам представляется, что предложенное Сидоровой выделение «первого марксистского поколения» советских историков, формировавшегося приблизительно в 1917–1945 гг., является неточным и обладает низкой эвристической ценностью. Это связано, во-первых, с тем, что данное поколение не было первым поколением отечественных историков-марксистов. Многие молодые историки (В. П. Волгин, А. Н. Шебунин и др.) усвоили марксистские идеи еще в дореволюционный период¹⁰⁸. Во-вторых, определение Сидоровой представляется некорректным в связи с тем, что исторические взгляды представителей данного поколения, получивших профессиональное образование в 1920-е гг., формировались под влиянием не только марксизма, но и других учений.

Исходя из этого, мы считаем, что более точным термином, чем «первое марксистское поколение», является термин «первое советское поколение» историков. Историческими событиями, определившими границы этого поколения, явились, с одной стороны, создание коммунистических университетов и факультетов общественных наук в 1919 г., а с другой – начало репрессий по «Академическому делу» в 1929 г. Основным социологическим критерием объединения людей в одно поколение является сходство социокультурного облика, формирующегося в процессе социализации¹⁰⁹. В развитии исторической науки аналогом социализации выступает получение профессионального образования. В отличие от исследователей, взгляды которых формировались в дореволюционный период, историки этого поколения, получая профессиональное образование, в обязательном порядке знакомились с марксизмом. Но в отличие от историков последующих советских поколений, они получали образование в условиях идеологического разномыслия, связанного с существованием различных версий марксистского учения и сравнительно свободным выражением немарксистских взглядов.

Следует отметить, что внутри первого советского поколения историков можно выделить две группы, различавшиеся по характеру своего образования. Одной из них являлись т. н. «красные профессора» и их ученики, обучавшиеся в коммунистических вузах. Они активно усваивали марксистскую теорию, но почти не получали профессиональной источниковедческой подготовки. Второй группой были ученики историков «старой школы», получавшие образование в университетах. Для них было характерно продолжение научных традиций своих учителей, нередко сочетавшееся с критическим отношением к марксизму.

Получив образование на факультете общественных наук МГУ, Устюгов принадлежал к первому поколению советских историков, получивших образование в университетах. Харак-

¹⁰⁶ Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 121.

¹⁰⁷ Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX в.: синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 101–103, 121–124.

¹⁰⁸ Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии. Случай А. Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 2 (54). С. 32–34.

¹⁰⁹ Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 171.

терная для этой группы ученых методологическая преемственность с историками «старой школы» наглядно проявилась в его первых работах по истории русского крестьянства XIX в.

1.2. Изучение истории русского крестьянства XIX в.

В то время, когда Устюгов окончил университет, возможности для профессионального изучения и преподавания истории (за исключением историко-партийной тематики) в Советском Союзе были сведены к минимуму. Одновременно с закрытием исторических отделений на факультетах общественных наук, в 1921 г. история была вычеркнута из программы средних школ. Вместо нее был введен предмет «обществоведение», дававший лишь отдельные фрагменты исторических знаний вместе с отрывочными сведениями по политэкономии и праву¹¹⁰. Большая часть факультетов общественных наук, открывшихся в университетах в начале 1920-х гг., была закрыта из-за недостатка преподавателей-марксистов. Число исторических комиссий в структуре РАН (с 1925 г. АН СССР) и исторических институтов, объединенных в РАНИОН, было небольшим, а их состав был немногочислен. В этих условиях выходом для Устюгова, как и для многих историков его поколения (А. И. Неусыхина, А. Д. Люблинской, Л. В. Черепнина и др.), стали занятия библиографией и библиотечным делом, о чем он позднее писал: «Все мы, историки, в период 1924-1934 гг. усиленно “грешили” вопросами библиографии и библиотечного дела, так как тогда вместо истории преподавалось обществоведение»¹¹¹.

Еще обучаясь в университете, в октябре 1923 г. Устюгов устроился в библиотеку Коммунистического университета национальных меньшинств Запада на должность помощника заведующего библиотекой, в которой проработал до декабря 1925 г.¹¹² В 1925 г. он перешел на работу в одно из крупнейших советских книгохранилищ – Библиотеку Коммунистической академии (далее Библиотека Комакадемии). Поступая на работу в Комакадемию, Устюгов скрыл факты своего происхождения из духовного сословия и обучения в семинарии. В анкете, заполнявшейся при поступлении, он указал, что его родители принадлежали к трудовой интеллигенции, а сам он обучался в средней школе¹¹³. Тем не менее в следующем 1926 г. он возглавил библиотеку Института советского строительства, входившего в состав Академии, которой заведовал до 1928 г.

Вместе с тем Устюгов не прекращал научных исследований и после окончания университета продолжил свои занятия в семинаре Петрушевского, где изучал аграрный строй Англии после нормандского завоевания. В это время им были выполнены работы «Структура английского поместья XIII в.», «Вилланские повинности на землях Рамзейского аббатства в XIII в.» и «Повинности свободных держателей на землях Рамзейского аббатства»¹¹⁴. Одновременно Устюгов продолжал исследования по русской истории, которой занимался в кружке Бахрушина¹¹⁵. Участники кружка выступали с докладами на темы своих исследований, слушали выступления выдающихся историков и обсуждали важнейшие новинки исторической литературы¹¹⁶. Занимаясь в кружке Бахрушина, Устюгов изучал увольнение крестьян в вольные хлебопашцы по документам, хранившимся в фонде Московского губернского предводителя дворянства в Историческом архиве Московского губернского архивного бюро.

¹¹⁰ Буцик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 181.

¹¹¹ Цит. по: Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 95.

¹¹² НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 63 об.

¹¹³ АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318. Л. 110.

¹¹⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 65 об.

¹¹⁵ Ананьич Б. В., Панях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99.

¹¹⁶ Черепнин Л. В. С. В. Бахрушин как учитель // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 290.

В это время он выполнил работу, посвященную законодательству о вольных хлебопашцах в первой половине XIX в.¹¹⁷ В 1926 г. Устюгов попытался поступить в аспирантуру РАНИОН, куда его рекомендовали Бахрушин, Яковлев, Петрушевский и Пичета, но принят не был¹¹⁸. В 1927 г. он повторил попытку поступления и получил новые рекомендации от Петрушевского и Бахрушина. В качестве вступительной работы им было представлено исследование об увольнении крестьян в вольные хлебопашцы по духовным завещаниям, но приемная комиссия отклонила его кандидатуру под формальным предлогом недостаточности общественной работы. Пытаясь оспорить решение комиссии, Устюгов указывал на то, что занимается общественной работой на службе и является председателем жилищного товарищества в том доме, где живет, но его возражения приняты не были, и в поступлении ему было отказано¹¹⁹.

Но он продолжил свои исследования о вольных хлебопашцах и вел их несмотря на то, что большую часть его времени отнимали занятия библиотечным делом. В 1928 г. Устюгов оставил заведование библиотекой Института советского строительства и стал научным руководителем русской части сектора комплектования Библиотеки Комкадемии. Тем не менее исследование продвигалось, и в феврале 1930 г. он сообщал своей однокурснице Т. А. Осоргиной-Бакуниной, что его работа над вопросами увольнения в вольные хлебопашцы близится к концу¹²⁰.

В мае 1930 г., рассказывая ей о работе над данной темой, он писал: «Материал сейчас передо мной живет. Я чувствую этот трепет живой жизни, которая встает с почти полуистлевших страниц сухих канцелярских дел. Борьба страстей, стон <...> бессилие разобраться в той канцелярской паутине, которой был опутан сам процесс увольнения <...> и т. д. <...> Что из этого получится – не знаю. Увидит ли работа свет, тоже мне неизвестно. Во всяком случае, я работаю сейчас только для себя <...> а что будет дальше с моей работой, покажет будущее. Никаких утилитарных целей я ей не ставлю. Если же она будет кому-нибудь полезна, я только порадуюсь. <...> Нынешнюю зиму я ведь ничем другим не занимался, кроме хлебопашцев. Если благополучно кончу, то примусь за другую работу, близко связанную с этой, о жалобах крепостных на своих помещиков и о тяжбах между крестьянами и помещиками»¹²¹. Но осенью 1930 г. Устюгову было поручено редактирование разделов русской истории IX–XIX вв. и вспомогательных исторических дисциплин в «Международном ежегоднике исторической библиографии за 1928 г.», издававшемся в Париже Национальным архивом Франции. Работа над ежегодником была закончена в конце 1930 г., но в начале следующего года Устюгов начал заниматься подготовкой ежегодника за 1929 г.¹²²

Хотя занятия библиографией надолго приостановили научные исследования Устюгова, они имели и положительные стороны, проявлявшиеся в систематическом ознакомлении ученого с современной исторической литературой и расширении его интеллектуального кругозора. Именно работая в библиотеке, он начал активно сотрудничать с выдающимся религиозным философом, писателем и театроведом Сергеем Николаевичем Дурылиным. В 1927 г. Дурылин был выслан в Томск, а в 1930 г. переведен в город Киржач, находившийся в Ивановской промышленной области. Поскольку он не мог работать в московских библиотеках, Устюгов находил в них литературу для него. В 1932 г. Дурылин смог опубликовать под псевдонимом Н. Кутанов обширную статью о П. А. Вяземском, озаглавленную «Декабрист без декабря», которая вышла в сборнике «Декабристы и их время», издававшемся Обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В феврале 1932 г., когда статья была принята в печать, он писал

¹¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 66 об.

¹¹⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 16 – 20 об.

¹¹⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 1.

¹²⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 3 об.

¹²¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 4 об. – 6.

¹²² АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 7, 9 об.

Устюгову: «У Вас легкая рука. “Вяземский” принят. Вы найдете там – т. е. в журнале или сборнике, где он будет – нового автора, впервые выступающего в печати с исторической работой. Автор этот приносит во вступлении Вам благодарность, но, увы, как ни хотел, не мог напечатать посвящение Вам. Говорят: не принято и не удобно. Автор жаловался мне на это. Я ему сочувствую и советую написать посвящение от руки»¹²³. Однако редакция сняла предисловие к статье, и благодарность Дурылина Устюгову так и не была опубликована. Следует отметить, что Дурылина и Устюгова связывали не только деловые отношения, но и довольно близкая дружба. Вероятно, через него Устюгов познакомился с живописцем Михаилом Васильевичем Нестеровым, которого называл последним великим русским художником¹²⁴.

Рубеж 1920–1930-х гг. ознаменовался новым идеологическим наступлением советской власти, одной из жертв которого стали представители «старой интеллигенции» и их ученики. Весной 1929 г. М. Н. Покровский выступил в печати с призывом: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства изжит до конца». А летом того же года секретарь ЦК ВКП(б)

В. М. Молотов объявил следующий – 1930 г. – последним годом для «старых специалистов»¹²⁵. В конце 1929 г. начались аресты среди сотрудников Академии наук, ставшие началом так называемого «Академического дела». В 1930 г. по данному делу были арестованы крупнейшие историки: С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин и другие, обвинённые в создании вымышленного «Союза борьбы за возрождение свободной России». В связи с «Академическим делом» угрозе репрессий подвергался и Устюгов, занимавшийся в кружке Бахрушина. На основе данного кружка следователями был сфабрикован «Московский центр» «Союза»¹²⁶. Арестованный в сентябре 1930 г. член кружка И. С. Макаров, перечисляя лиц, регулярно посещавших его заседания, назвал Л. В. Черепнина, Н. В. Устюгова, Н. И. Привалову и А. Н. Сперанского¹²⁷. В конце 1930 г. Черепнин и Привалова были арестованы, но Устюгов и Сперанский избежали ареста. Очевидно, Устюгов поначалу надеялся, что заключение Черепнина и Макарова будет недолгим. В октябре 1930 г., иносказательно сообщая Осоргиной-Бакуниной о репрессиях по «Академическому делу», он писал: «Относительно серьезной болезни Ал. Ив. [Яковлева] Вы правы. Вл. Ив. [Пичета] не ответил на открытку, очевидно по болезни, так как и он болен. К сожалению, я не могу сообщить Вам подробностей, так как не был ни у того, ни у другого. Из прежних товарищей видел только Сер. Дм. [Минеева] и Марию Павловну. Они здоровы и работают по-прежнему. Лев Вл. [Черепнин] и Ив. Сер. [Макаров] больны, но я никак не соберусь навестить их. Думаю, что пустяки. Сейчас осень и очень много больных. В Москве гуляет злокачественный грипп»¹²⁸. Но эти надежды не оправдались: Макаров был приговорен к трем годам заключения в Вишерском ИТЛ, а Черепнин был выслан на три года на двинские камнеразработки¹²⁹.

В это же время поступали доносы и на самого Устюгова. В его личном деле в фонде Комакадемии в Архиве РАН хранится рапорт, направленный начальнику «легкой кавалерии» от рядовой участницы данного движения. В то время «легкой кавалерией» называли отряды комсомольцев, занимавшиеся проверкой работы учреждений и предприятий. Такое название

¹²³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 85. Л. 1.

¹²⁴ Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 93.

¹²⁵ Пихоя Р. Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 38.

¹²⁶ Панеях В. М. М. Н. Тихомиров в «Академическом деле» 1930 г. // Археографический ежегодник за 1993. М., 1995. С. 37–39.

¹²⁷ Ананьич Б. В., Панеях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99.

¹²⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 7 об. – 8.

¹²⁹ Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков: время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 291.

эти отряды получили благодаря методам своей работы – внезапным рейдам, или «налетам». В рапорте указывалось на духовное происхождение Устюгова и подчеркивалось, что связей с отцом он не порывал. Также в нём говорилось, что Устюгов являлся инициатором протестов против выселения из дома, где он проживал, прежнего домовладельца, выступал против подписки на 3-й заем индустриализации и утверждал в частных разговорах, что «История» Покровского является халтурой, а «он де признаёт только Ключевского и т. п.». Выводы рапорта гласили: «т. Устюгов несомненно не наш человек. Нужно выяснить, на какой именно работе, если на научной, то, несомненно, это недопустимая вещь в Комакадемии, когда идет чистка в вузах профессорского состава»¹³⁰.

На наш взгляд, данный рапорт следует датировать февралем 1931 г., так как Устюгов переехал на новый адрес весной 1930 г., когда получил комнату в доме в Мертвом переулке¹³¹. Как раз незадолго до его переезда проводилась подписка на третий заем индустриализации, осуществлявшаяся в 1929–1930 гг. Тем не менее, судя по имеющимся источникам, Устюгов избежал каких-либо последствий этого доноса. В мае 1931 г. он ушел в отпуск, из которого вышел только в январе 1932 г. Через год, в феврале 1933 г., он оставил работу в Комакадемии и перешел на должность заведующего отделом комплектования в Библиотеку Политехнического музея¹³². В тот период, когда он служил в Библиотеке Политехнического музея, произошли важные изменения в его личной жизни – около 1934 г. он женился на Александре Николаевне Устюговой, также являвшейся библиотечным работником.

Вскоре после ухода Устюгова из Библиотеки Комакадемии вышла его первая печатная работа, которой стало предисловие к документам о волнении крепостных рабочих на шелковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде Московской губернии в 1841 г., опубликованное в сборнике «История пролетариата СССР»¹³³. Характеризуя ее в письме к Осоргиной-Бакуниной, он писал, что эта «статья не является ни предисловием к публикации документов, ни вступительной статьей в более широком смысле этого слова. Это обработка публикуемых документов, самостоятельная статья, написанная на основании тех материалов, которые в них содержатся. Писать настоящее вступление к такому мелкому материалу не было смысла – похоже на выстрел из пушки по воробью. Я и дал статью, где был тщательно собран весь печатный материал о фабрике, ее владельце и арендаторе. Редакции угодно было рассматривать эту статью как вступление к публикации, и она предложила мне переделать соответствующим образом статью. Переделывать в настоящее предисловие не было смысла, как я уже сказал, и я максимально стиснул первую часть, поместив ее в примечаниях и опустив большую часть деталей, а вторую оставил почти без изменения. В таком виде статья прошла, но я вполне согласен с Вами, что она получилась довольно корявой. Что же касается некоторых замечаний об отдельных фразах, то, конечно, я вполне с ними согласен. Только не имея под руками никаких материалов, я затрудняюсь сказать, на чей счет это должно быть отнесено – на мой, типографии или редакции. По статье прошла редакторская рука, которая, с моей точки зрения, в некоторых местах подпортила мой текст. Редакция заменила некоторые слова, вставила две-три фразы, которые мои знакомые без всякого труда узнают»¹³⁴.

Несмотря на то, что Устюгов начал публиковаться, его главная работа того времени – исследование об увольнении крестьян в вольные хлебопашцы – в эти годы так и не попала в печать. Она была опубликована только в 1947 г., когда Устюгов уже девять лет являлся преподавателем МГИАИ. В третьем томе «Трудов историко-архивного института» вышла его статья

¹³⁰ АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318. Л. 107 – 107 об.

¹³¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 4 об.

¹³² НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 104 об. – 105.

¹³³ Устюгов Н. В. О волнении крепостных рабочих на шелковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде Московской губернии в декабре 1841 г. // История пролетариата СССР. 1933. Сб. 4. С. 207–213.

¹³⁴ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 14 – 14 об.

«Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию». Создававшаяся во второй половине двадцатых – начале тридцатых годов, она заметно выделялась среди произведений советской послевоенной историографии, посвященной истории России первой половины XIX в. В статье полностью отсутствовали цитаты из классиков марксизма, зато содержались ссылки на работы расстрелянного большевиками великого князя Николая Михайловича, высланного на «философском пароходе» профессора А. А. Кизеветтера и эмигрировавшей из Советской России кн. О. Н. Трубецкой¹³⁵. Также в статье полностью отсутствовали упоминания о классовой борьбе и эпитеты «прогрессивный» и «реакционный».

Кроме этого, в работе Устюгова присутствовали серьезные отличия от произведений большинства советских историков, связанные с отношением ее автора к государству. Устюгов в своих трудах никогда не следовал ленинскому определению государства как «машины для подавления одного класса другим». Напротив, следуя традициям историков «старой школы», он изображал государство как надклассовый институт, заинтересованный не в углублении, а в смягчении общественных противоречий. В рассматриваемой статье Устюгов связывал непоследовательность правительственной политики по крестьянскому вопросу не с отстаиванием правящей верхушкой исключительно помещичьих интересов, а с боязнью правительства одним ударом ликвидировать отношения, сложившиеся веками¹³⁶. По его мнению, самой яркой иллюстрацией противоречивости правительственной политики в крестьянском вопросе в начале XIX в. являлись указ о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г. и высочайше утвержденное 19 декабря 1804 г. Положение Государственного Совета, запрещавшее увольнение крестьян в вольные хлебопашцы по завещаниям, что обосновывалось заботой об интересах наследников помещика. Устюгов подробно анализировал в статье процедуру издания указа о вольных хлебопашцах, детализировавших его «Правил, постановленных в руководство Министерству внутренних дел...» и Положения, запретившего увольнение крестьян по завещаниям. Говоря о «Правилах», он писал, что они устанавливали очень сложный порядок прохождения дел о крестьянском увольнении, который, по официально декларированной мысли законодателя, должен был обеспечить интересы крестьян и оградить их от всякого принуждения и подлога. На практике же этот сложный порядок явился тормозом на пути крестьянского освобождения¹³⁷.

Затем Устюгов анализировал два случая, когда Министерство внутренних дел не утверждало увольнения крестьян в вольные хлебопашцы по духовным завещаниям, и семь случаев, когда это увольнение, несмотря на противоречие с Положением 1804 г., признавалось законным. Одна из наиболее частых причин утверждения подобных завещаний заключалась в том, что данное Положение не запрещало увольнение крестьян при жизни помещика с условием их освобождения от повинностей только после его смерти¹³⁸. Подводя итоги, Устюгов писал, что Положению 1804 г. нельзя отказать в логической последовательности. Оно даже как бы защищало интересы крестьян, которые тотчас же получали свободу, не дожидаясь смерти помещика. Не нарушало оно и интересов помещика, так как позволяло сохранять все прежние повинности до его смерти. Но оно не учитывало важного психологического момента. Помещику легче всего было отказаться от крепостного права на смертном одре, когда он мог не опасаться последствий этого шага лично для себя. Но Положение 1804 г. запрещало подобные акты, что лишало указ о вольных хлебопашцах одного из самых широких способов его при-

¹³⁵ Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 142, 147, 166, 168.

¹³⁶ Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 143.

¹³⁷ Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 144–147, 151–153.

¹³⁸ Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 157, 162.

менения и сокращало общее количество крестьян, переведенных в вольные хлебопашцы¹³⁹. В подтверждение данного тезиса Устюгов приводил две обширные цитаты из записок о необходимости крестьянской реформы Ю. Ф. Самарина и кн. В. А. Черкасского, утверждавших, что Положение 1804 г. являлось серьезным препятствием на пути освобождения крестьян.

В годы изучения Устюговым увольнения крестьян в вольные хлебопашцы окончательно завершилось формирование его исторических взглядов, сложившихся под влиянием представителей младшего поколения московской исторической школы. Методологической основой их творчества были позитивизм и представление о надклассовой роли государства, восходящее к идеям С. М. Соловьёва¹⁴⁰. Характерной чертой позитивистской методологии являлось признание многофакторности исторического процесса, проявляющейся в равном влиянии социально-экономических и социально-психологических явлений на ход истории¹⁴¹. Позитивистская основа вышеназванной работы Устюгова проявилась в сочетании в ней внимания к сфере экономических отношений с объяснением политических явлений при помощи механизмов социальной психологии. Вместе с тем в работе о вольных хлебопашцах отсутствовали такие ключевые признаки марксистской методологии, как объяснение социально-политических явлений диалектикой производительных сил и производственных отношений и акцентирование движущей силы классовой борьбы. И хотя в годы установления идеологического единомыслия в советской исторической науке Устюгов начал использовать в своих работах идеи марксизма-ленинизма, элементы позитивистской методологии сохранялись в его трудах на протяжении всего его творческого пути.

¹³⁹ Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 166–170.

¹⁴⁰ Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века. М., 2012. С. 181.

¹⁴¹ Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 178–181.

1.3. Начало профессиональной научно-педагогической деятельности

Произошедшие в начале 1930-х гг. изменения в советской идеологии, связанные с формированием советского патриотизма, создали условия для возрождения исторической науки в СССР. Еще в 1931 г. история вновь вошла в школьную программу, однако в ее преподавании продолжали господствовать обществоведческие подходы. Возрождение истории как самостоятельной дисциплины произошло только после издания в мае 1934 г. совместного постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», провозгласившего необходимость изучения конкретных событий прошлого. Для нового преподавания истории были нужны квалифицированные кадры учителей, и в том же постановлении объявлялось о воссоздании исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах¹⁴².

Восстановление преподавания истории в вузах, в свою очередь, способствовало развитию научных исследований. В это время к занятиям наукой вернулись многие историки «старой школы» и их ученики, отстраненные от научной работы в 1920-е гг. и репрессированные по «Академическому делу». Их возвращение было связано с новым пониманием партийным руководством задач истории как научной дисциплины. Поставленная перед историей задача патристического воспитания советских граждан означала переход к окрашиванию русской истории в героические тона и сочетанию негативных оценок классовой эксплуатации с прославлением сильного государства¹⁴³. Не готовые к такому идеологическому повороту «красные профессора» постепенно оттеснялись от изучения и преподавания истории учеными «старой школы» и их учениками, положительно воспринимавшими эти идеологические изменения. Вместе с тем возвышение статуса исторической науки означало усиление партийного контроля над ней, и представители «старой школы», возвращаясь к научным занятиям, были вынуждены придавать своим трудам марксистско-ленинский облик, соответствовавший текущему идеологическому курсу партии¹⁴⁴.

В 1934 г. в Историко-археографическом институте АН СССР (далее ИАИ АН СССР), находившемся в Ленинграде, была создана московская группа, целями которой являлись поиск и публикация документов московских архивов¹⁴⁵. В мае того же года Устюгов начал работать в этой группе по договору¹⁴⁶. Начиная работу, он выражал надежду, что отныне ему удастся посвящать больше времени изучению вольных хлебопашцев, но эти планы не реализовались¹⁴⁷. Осенью 1934 г. он опубликовал небольшую рецензию на книгу ленинградского историка В. Н. Кашина «Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы», где высоко оценил его выводы о социальном расслоении крестьянства накануне отмены крепостного права и зарождении сельской буржуазии¹⁴⁸. После выхода этой рецензии в его исследованиях по истории XIX в. наступил долгий перерыв. Отныне в центре исследовательских интересов Устюгова оказалась русская история XVII–XVIII вв.

¹⁴² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 83–84.

¹⁴³ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 82–89.

¹⁴⁴ Гордон А. В. Власть и революция. Саратов, 2005. С. 13.

¹⁴⁵ Серова Е. А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) // История и историки. 1976. М., 1979. С. 377.

¹⁴⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 66 об.

¹⁴⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 12 – 12 об.

¹⁴⁸ Устюгов Н. В. К вопросу о расслоении крестьянства в дореформенную эпоху // Книга и пролетарская революция. 1934. № 9. С. 56–57.

Бригада, в которой работал Устюгов, готовила публикацию документов по истории ремесленного труда и форм найма в России XVII в. При этом следует отметить, что еще с 1920-х гг. понятие «история труда» заменяло в советской историографии понятие «экономическая история»¹⁴⁹. Подготовка данного издания было начата по инициативе С. Б. Веселовского и А. Н. Штрауха, выступивших с идеей публикации документов по истории городских и сельских низов Русского государства XVI–XVII вв. Во главе бригады, занимавшейся подготовкой сборника, встал один из ближайших товарищей Устюгова – А. Н. Сперанский, познакомившийся с ним на домашних семинарах Бахрушина во второй половине 1920-х гг.¹⁵⁰ Сперанский сформулировал требования, которые легли в основу работы составителей сборника: обязательное ознакомление со всеми делами намеченных фондов, полистный просмотр относящихся к теме единиц хранения, исчерпывающее выявление и учет содержащихся в них документов. По его мнению, только соблюдение этих условий могло избавить будущую серию от превращения в публикацию случайных находок и иллюстраций к априорным утверждениям¹⁵¹.

Устюгов вместе со Сперанским и В. И. Шунковым принял участие в просмотре наиболее обширного из намеченных фондов – фонда Приказных дел старых лет Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (далее ГАФКЭ), содержавшего в основном делопроизводство Новгородской и Устюжской четвертей. Однако вскоре после начала работы над сборником ему пришлось столкнуться с затруднениями на основном месте работы – в библиотеке Политехнического музея. 2 февраля 1935 г. ему был объявлен строгий выговор с предупреждением за недостаточный контроль за включением книг в фонды библиотеки. Через три дня, 5 февраля, он написал заявление об увольнении по собственному желанию, а 1 апреля 1935 г. был зачислен в штат ИАИ на должность научного сотрудника первого разряда с ежемесячным окладом в 300 рублей¹⁵². В феврале 1936 г. на основе ИАИ АН СССР и Института истории Комкадемии был создан Институт истории АН СССР, находившийся в Москве. Московская группа ИАИ была преобразована в археографический сектор нового института, при этом оклад Устюгова был повышен до 350 рублей¹⁵³.

В новом институте поначалу доминировали историки-коммунисты, принадлежавшие к «красной профессуре». Его директором до 1937 г. являлся Н. М. Лукин, возглавлявший ранее одноименный институт в составе Комкадемии. Археографический сектор, где работал Устюгов, являлся для института, по воспоминаниям одной из его сотрудниц, Е. Н. Кушевой, «инородным телом», поскольку в его составе не было ни одного члена партии и в нём не велись исследования по новейшей истории¹⁵⁴. В итоге по решению институтского начальства в состав сектора были введены четыре молодых сотрудника-коммуниста. В 1937 г. большинство «красных профессоров», работавших в Институте истории, пали жертвой репрессий, и новым директором института стал принадлежавший к историкам старой школы Б. Д. Греков. Хотя в своей научной и организаторской деятельности он уделял большое внимание вопросам археографии, в то же время он негативно относился к деятельности археографического сектора, так как его сотрудники были нужны для крупных идеологически важных работ, которые велись в институте¹⁵⁵.

¹⁴⁹ Майдачевский Д. Я. Ученая комиссия по истории труда в России (1921–1925): опыт институционализации экономической истории // Археографический ежегодник. 2004. М., 2005. С. 14.

¹⁵⁰ Ананьич Б. В., Панях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 99.

¹⁵¹ Демидова Н. Ф. Предисловие // История форм труда в Русском государстве в первой половине XVII в. М., 1988. Вып. 1. С. 4.

¹⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 104 об.

¹⁵³ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 61.

¹⁵⁴ Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 140.

¹⁵⁵ Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 141.

Несмотря на сдержанное отношение институтского руководства к занятиям археографического сектора, работа над сборником продолжалась. Постепенно были уточнены его тематические и хронологические рамки. Первый том сборника должен был охватывать первую половину XVII в., при этом было решено отказаться от публикации документов по истории сельского труда. По инициативе Сперанского было принято решение публиковать документы сборника целиком, по возможности избегая купюр. В конце 1935 г. было решено разделить первый том на три выпуска. Первый выпуск содержал материалы по городу Москве, второй – материалы по замосковным посадам восточной половины. Их составителем выступал Сперанский. Третий выпуск содержал материалы по посадам Поморья и западного Замосковья, собранные Устюговым, и материалы по южной и западной окраине Московского государства, собранные Шунковым¹⁵⁶. В 1936 г. первый том был почти готов и был разработан план расширения публикации до пяти томов, однако постепенно работа над сборником была свернута и большая часть составителей была переброшена на другие темы. Устюгов с 1 января 1937 г. был переведен на должность младшего научного сотрудника в сектор истории СССР, при этом его оклад вырос почти в два раза и составил 600 рублей¹⁵⁷.

Тем не менее в 1937–1938 гг. делались попытки завершить работу над уже подготовленным первым томом. Сперанским и Устюговым было написано археографическое введение к тому. Н. Г. Бережковым, Р. М. Раимовым, Устюговым и Шунковым были составлены географические и именные указатели. Устюговым, Сперанским и В. И. Лебедевым были подготовлены предметные указатели. Окончательное прекращение работы над сборником произошло в 1938 г., когда археографический сектор был закрыт, а его сотрудники направлены на изучение истории народов СССР. Разделы из написанных Устюговым и Шунковым введений к двум выпускам сборника были опубликованы в «Исторических записках» как самостоятельные статьи¹⁵⁸. Подготовленный к печати том сборника вышел из печати только в 1988–1989 гг. благодаря стараниям ученицы Устюгова Н. Ф. Демидовой. Он был издан в трех выпусках под названием «История форм труда в Русском государстве первой половины XVII в.»¹⁵⁹.

Несмотря на приостановку институтских работ по данной тематике, Устюгов продолжал изучение истории труда в России в XVII в. и подготовил кандидатскую диссертацию по теме «Очерки по истории преобладающих видов труда в посадах восточной части Поморья в первой половине XVII в.», представлявшую собой переработанное введение к третьему выпуску первого тома сборника. В ее основу были положены акты, готовившиеся Устюговым к публикации в вышеуказанном сборнике. Однако этих материалов было недостаточно, поэтому их сведения были дополнены данными из ямских, писцовых и таможенных книг. Устюгов отмечал, что в писцовых книгах указывалось только тяглое население. Вместе с тем он полагал, что это обстоятельство не препятствовало использованию всего комплекса писцовых, таможенных и ямских книг как источника для получения необходимых статистических данных. В свою очередь, используемые акты дополняли картину официальной статистики характеристик конкретных условий труда отдельных групп рабочих¹⁶⁰. В работе использовались источники, относившиеся к трем посадам восточного Поморья, находившимся на главных водных путях края: Устюгу Великому, Соли Вычегодской и Тотьме. Также в диссертации частично использовались материалы по Соли Камской, становившейся в XVII в. крупнейшим центром солеваренной промышленности России. Привлечение соликамских материалов было связано

¹⁵⁶ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 7.

¹⁵⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 61.

¹⁵⁸ Устюгов Н. В. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 167–194; Шунков В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 102–117.

¹⁵⁹ История форм труда в в Русском государстве первой половины XVII в. М., 1988–1989. Вып. 1–3.

¹⁶⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 122.

с упадком солеваренного промысла в Тотьме и Соли Вычегодской в тот период, которому была посвящена диссертация. При этом следует отметить, что в работе изучалась трудовая деятельность только черносолошного посадского населения края и не рассматривались занятия монастырских и строгановских рабочих¹⁶¹.

Композиционно работа делилась на пять глав. Первая глава была посвящена общей характеристике трудового населения посадов Устюга Великого, Тотьмы и Соли Вычегодской. В ее начале Устюгов выявлял основные группы рабочих в данных посадах, используя для этого сведения писцовых книг, в которых были указаны занятия населения. Для этого им были изучены писцовые книги по Устюгу Великому 1623–1626 гг., по Соли Вычегодской 1624–1625 гг. и по Тотьме 1623–1625 гг. На их основе Устюгов выделял в зависимости от специализации группы рабочего населения и подсчитывал их удельный вес среди трудового населения посадов. Однако сведения писцовых книг о посадском трудовом населении были неполны и неточны, поэтому Устюгов, наряду с ними, привлекал данные других источников.

Так, сопоставляя сведения писцовой книги по Устюгу Великому с материалами таможенных и ямских книг, он пришел к выводу, что количество посадских людей, так или иначе связанных с транспортом, было в писцовой книге серьезно занижено. Из данных писцовой книги получалось, что транспортные рабочие по своей численности занимали лишь пятое место среди трудового населения посада, а самой многочисленной группой трудящихся являлись ярыжные, то есть чернорабочие. Но таможенные и ямские книги указывали, что труд ярыжных в основном прилагался к водному транспорту, что значительно увеличивало группу транспортных рабочих. Также таможенные и ямские книги позволили установить, что в качестве рабочих на судах трудились представители двенадцати профессий, а также люди без определенных занятий, бродящие по миру. Это показывало, что спрос на судовых рабочих был настолько велик, что судовым промыслом занимались люди любой специальности, и, следовательно, обслуживание водного транспорта являлось одним из основных занятий всего посада в целом¹⁶².

Писцовая книга Соли Вычегодской содержала указание на занятия лишь четверти посадского населения. Но содержащиеся в ней данные о количестве сольвычегодских варниц, а также сведения челобитной посадских людей Соли Вычегодской в Устюжскую четверть о снижении оброка позволили Устюгову установить, что основным занятием населения данного посада являлось обслуживание соляных варниц. Рассматривая трудовое население Тотьмы, он опирался на сведения писцовой книги, содержавшей данные о занятиях большинства жителей посада. Согласно ей, почти 40 % трудового населения посада составляли транспортные рабочие, а еще 20 % являлись рабочими, занятыми на варницах. Устюгов объяснял преобладание этих групп трудового населения тем, что Тотьма, с одной стороны, являлась важным транзитным пунктом на пути из Великого Устюга к Вологде и далее к Москве, а с другой – была одним из старинных центров русского солеварения¹⁶³.

Именно труду рабочих на соляных варницах была посвящена вторая глава диссертации. В ней Устюгов утверждал, что в этой отрасли наряду с принудительным использовался и наемный труд, и писал: «Условия труда солеваренных рабочих были различны и в значительной степени определялись их отношением к предпринимателю. Это прежде всего его кабальные люди и крестьяне, т. е. население, находящееся в личной зависимости от хозяина промысла и отбывающее изделие в его пользу работой на варницах. Сюда относятся рабочие северных монастырей и Строгановых. Более мелкие предприятия торговых и посадских людей пользовались трудом, нанимаемым на определенный срок по записям. Известное число наемных

¹⁶¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 120–122.

¹⁶² АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 125–126.

¹⁶³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 128–130.

людей имелось и на монастырских и строгановских промыслах»¹⁶⁴. В третьей и четвертой главах, посвященных металлургии и плотницкому делу, Устюгов также отмечал факты использования наемного труда и указывал, что молотобойцы и плотники нанимались по записям на определенный срок¹⁶⁵. Вместе с тем он отмечал, что государство принудительно отправляло плотников и медных мастеров на Урал для строительства судов и поиска медной руды. Позднее основные выводы этой главы диссертации были опубликованы Устюговым в статье «Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.»¹⁶⁶.

Наиболее объемной и глубоко разработанной главой диссертации была последняя, пятая глава, в которой рассматривался труд транспортных рабочих. Позднее ее часть, посвященная рабочим водного транспорта, была опубликована в «Исторических записках» под названием «Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.»¹⁶⁷. В этой главе Устюгов указывал, что данный водный путь обслуживали три основные категории рабочих: носники (лоцманы), кормщики и ярыжные. Самыми высокооплачиваемыми из них являлись носники, получавшие за навигационный сезон столько же, сколько подьячий съезжей избы получал за год. Поскольку навигация длилась не круглый год, многие из носников имели побочные занятия, в частности, они нередко занимались торговлей. Устюгов указывал, что носники нанимались на суда «повольною ценою». Вместе с тем он отмечал, что многие носники являлись должниками Соловецкого монастыря, вынужденными отрабатывать долг работой на судне, и писал, что наличие кабальных записей вносит очень существенную поправку в понятие наем «повольною ценою». Носник был обязан идти на судне своего кредитора, в противном случае его ждало взыскание кабального долга и разорение¹⁶⁸.

Говоря о труде кормщиков, управлявших судами, Устюгов писал, что их заработок был в 4–5 раз меньше, чем заработок носников. При этом он отмечал, что очень много указаний на работу кормщиков содержится в ямских книгах, в то время как в писцовых книгах упоминания о них почти отсутствуют. Исходя из этого, он делал вывод, что если заработок носников, обеспечивавший их существование, превращал их труд в определенную профессию, то небольшой заработок кормщиков не давал им возможности ограничиться работой на судах и вынуждал их заниматься и другими промыслами¹⁶⁹. Рассматривая труд рабочих на Сухоно-Двинском водном пути, он указывал, что их наиболее многочисленной и низкооплачиваемой категорией были ярыжные. Они выполняли всю черную работу: тянули судно против течения; гребли, когда оно шло вниз по реке; стаскивали его с мелей и выгружали товар. Устюгов писал, что низкий заработок и сезонность судового промысла заставляли ярыжных совмещать работу на судах с другими занятиями, в частности, с мелкой торговлей. Вместе с тем он отмечал, что у многих ярыжных их труд превратился в профессию: зимой, после окончания навигации на Двине они уходили на заработки на Волгу, а весной возвращались обратно¹⁷⁰. Устюгов указывал, что в случае нарушения их интересов ярыжные обращались к воеводскому суду. При этом он писал, что центральное правительство вменяло в обязанность воеводам оберегать посадское население и уездных крестьян от обид и насилий, чинимых им проезжими и служилыми торговыми людьми¹⁷¹. Следует отметить, что Устюгов в пятой главе не ограничивался рассмотрением водного транспорта, а также давал краткую характеристику извозному промыслу.

¹⁶⁴ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. ЛЛ. 140.

¹⁶⁵ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 164, 171.

¹⁶⁶ Устюгов Н. В. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 127–132.

¹⁶⁷ Устюгов Н. В. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути // Исторические записки. М., 1940. Т. 6. С. 167–194.

¹⁶⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 190.

¹⁶⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 199.

¹⁷⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 206–207.

¹⁷¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 216.

В заключении диссертации он разбирал вопросы о профессионализации населения восточного Поморья в первой половине XVII в., формах организации рабочего населения и наличии цехов в поморских городах XVII в. Говоря о профессионализации, Устюгов повторял выводы, изложенные в основном тексте диссертации, и утверждал, что в рассматриваемый период некоторые виды труда сделались уже определенными профессиями. К ним он относил труд носников и отчасти ярыжных. Также он отмечал наличие рабочих-профессионалов, постоянно занимавшихся одним видом деятельности, среди солеваров, кузнецов и плотников. Вместе с тем Устюгов подчеркивал на примере кормщиков, что наличие определенной профессии не являлось препятствием для занятия другими видами труда.

Разбирая вопрос об организациях рабочего населения, он отмечал, что источники не позволяют сделать вывод о наличии у него определенных организационных форм. Ярыжные объединялись в десятки, но они носили временный и случайный характер. Устюгов указывал, что за пределами хронологических рамок диссертации, во второй половине XVII в., встречаются два случая создания организаций носников (1659, 1668), резко повышавших цены и начинавших диктовать их потребителям, устраняя конкурентов. Но он отмечал, что власть считала это правонарушением и восстанавливала право найма «повольною ценою» с гарантией в форме записей¹⁷². Установив, что прочных организаций трудящихся в Поморье не существовало, Устюгов перешел к вопросу о цехах в поморских городах XVII в. Он жестко критиковал взгляды М. В. Довнар-Запольского, С. И. Архангельского, А. В. Пруссак и других исследователей, выводивших наличие цехов на Русском Севере из абстрактно-логических соображений. Устюгов указывал на полное отсутствие свидетельств о таких цехах в источниках. Также еще одним серьезным аргументом против наличия цехов являлось то, что кузнец или плотник, которого требовалось послать в Сибирь, избирался всем земским или посадским миром. Между тем в случае существования цехов воевода, отвечавший за посылку мастеров в Сибирь, не прибегал бы к мирским выборам, а обратился бы за этим к кузнечному или плотницкому цеху. Используя сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, Устюгов утверждал, что на Русском Севере не было основных условий, породивших цехи в средневековом городе: отсутствовала необходимость объединения против разбойничьего дворянства и была не страшна конкуренция со стороны стекавших в города беглых крепостных. Сочетая цитаты из классиков марксизма со ссылками на М. М. Богословского, он утверждал, что на Русском Севере отсутствовали противоречия между городом и деревней. Подводя итоги, Устюгов подчеркивал, что не объединенное в цехи ремесленное население и лица, работавшие по найму, заключали с потребителями труда соглашения на выполнение той или иной работы. Вместе с тем он делал оговорку, что хотя источники называют данные условия наймом, они не соответствуют тому, что называется наймом при капитализме, а носят другой характер, во многом близкий к феодальным отношениям¹⁷³.

Рассмотренная диссертация, воссоздающая живую картину промышленного развития восточного Поморья первой половины XVII в., представляла собой серьезный вклад в развитие отечественной исторической науки. Она стала первым крупным исследованием Устюгова о русской промышленности XVII в. Ряд ее выводов об использовании наемного труда на Русском Севере в данную эпоху в дальнейшем лег в основу концепции раннего генезиса капитализма в России, созданную Устюговым в послевоенный период. Ее защита состоялась 10 декабря 1938 г. в Институте истории АН СССР. Официальными оппонентами на ней выступили С. Б. Веселовский и В. И. Пичета. Кроме них в прениях приняли участие Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин и Е. Ф. Дюбюк. Они дали высокую оценку работе Устюгова, охарактеризовав ее как серьезный научный труд, основанный на новом архивном материале. Говоря о недостатках

¹⁷² АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 230–236.

¹⁷³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 240.

работы, они отметили узость хронологических и территориальных рамок исследования, в то время как имеющийся материал позволял дать более широкую постановку рассматриваемых вопросов; отсутствие в работе демонстрации связей экономики Поморья с экономикой Московского государства; изучение только преобладающих видов труда и недостаток динамики в рассмотрении трудовых процессов. Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, ученый совет Института истории единогласно постановил присудить Устюгову степень кандидата исторических наук¹⁷⁴.

В 1939 г. Устюгов приступил к написанию докторской диссертации, посвященной истории солеваренной промышленности Соли Камской, которую планировал защитить в 1942 г.¹⁷⁵ Одновременно с этим он приступил к исполнению поручения, данного Институту истории Управлением проектирования Соликамского гидроузла, по сбору материалов по истории солеваренной промышленности Соликамского района. В частности, летом 1940 г. Устюгов смог выявить в фондах Московского областного музея (г. Истра) материалы о солеварении Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, содержавшие уникальную информацию о взаимоотношениях соликамских солеваров с крестьянами, поставлявшими дрова на соляные промыслы¹⁷⁶. В дальнейшем дополнительную ценность этим материалам придал тот факт, что архив Московского областного музея погиб в годы Великой Отечественной войны. Однако в сентябре 1940 г. работы по строительству Соликамского гидроузла было решено законсервировать, после чего Управление попросило Институт прекратить подбор материалов по данной тематике¹⁷⁷. Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война вынудила Устюгова прекратить работу и над написанием докторской диссертации, которую он смог защитить только в 1957 г.

Ослабление внимания к социально-экономической тематике и обращение к прошлому народов СССР стало характерной чертой работы Института истории во второй половине 1930-х гг. Такая политика руководства Института была связана с выходом «Замечаний Сталина, Кирова, Жданова о конспекте учебника по истории СССР», составленных в 1934 г. и опубликованных в «Правде» в январе 1936 г. В них говорилось, что нужен учебник истории, в котором история Великороссии не отрывалась бы от истории других народов СССР, и подчеркивалась необходимость изучения прошлого коренных народов¹⁷⁸. Публикация данных замечаний вызвала стремительную активизацию исследований по истории народов СССР, затронувшую и Устюгова. В этот период история коренных народов стала одной из основных тем в его творчестве. Особенно активно он занимался историей кочевых народов Центральной Азии и Приуралья, что будет подробно рассмотрено нами в следующем параграфе. Параллельно с Устюговым подобные изменения тематики переживали и другие представители первого советского поколения историков. Так, ленинградский историк М. П. Вяткин во второй половине 1930-х гг. перешел от изучения истории крепостной мануфактуры к изучению прошлого Казахстана, а коллега Устюгова по Институту истории Е. Н. Кушева в это же время оставила работу по составлению Словаря деятелей революционного движения в России и занялась изучением истории Дагестана¹⁷⁹.

В то же время, наряду с активизацией исследований по истории народов СССР, перед советскими историками была поставлена и другая задача: написание обобщающих трудов, рассматривавших прошлое человечества с марксистско-ленинских позиций. Важнейшим делом

¹⁷⁴ В Институте истории Академии наук СССР (защита диссертаций) // Историк-марксист. 1939. № 3. С. 218–219.

¹⁷⁵ Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991. С. 130; Михайлова Н. Г. Переписка военных лет Н. В. Устюгова в Архиве АН СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 60.

¹⁷⁶ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 26.

¹⁷⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 1.

¹⁷⁸ Сталин И. В., Киров С. М., Жданов А. А. Замечания о конспекте учебника по истории СССР // Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 42.

¹⁷⁹ М. П. Вяткин. Страницы жизни и работы. СПб., 2007. С. 9–10; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 139.

для специалистов по отечественной истории стала подготовка многотомной «Истории СССР», работа над которой началась в 1936 г. Согласно первоначальным планам она должна была выйти в пяти томах, но уже к началу 1940-х гг. число запланированных томов выросло до двенадцати¹⁸⁰. Вскоре после начала работ над «Историей СССР», в марте 1938 г., Устюгов стал исполняющим обязанности старшего научного сотрудника в секторе истории СССР, а после защиты кандидатской диссертации в декабре того же года был окончательно утвержден в этой должности¹⁸¹. При этом, несмотря на повышение, ему был сохранен прежний оклад. В том же декабре вместо единого сектора истории СССР было образовано три новых сектора, разделенных по хронологическому признаку, и Устюгов вошел в число сотрудников сектора истории СССР до XIX в. Будучи старшим научным сотрудником, Устюгов принимал участие в подготовке данного издания, для которого им было написано десять разделов, посвященных чувашам в IX–XVI вв., народу коми в XIV–XVI, XVII и XVIII вв., черносошным крестьянам, саамам (лопарям) в XVII и XVIII вв., башкирским восстаниям XVII в., башкирам в XVIII в. и калмыкам в первой половине XIX в. Кроме этого, он принимал участие в редактировании четвертого тома данного издания, посвященного XVII в., и шестого тома, посвященного первой половине XIX в.¹⁸² В 1941 г. был подготовлен машинописный текст пяти томов «Истории СССР», охватывавших период до XVIII в. включительно, но вскоре работа над многотомником была приостановлена в связи с началом Великой Отечественной войны¹⁸³.

Одновременно с завершением работы над кандидатской диссертацией и началом изучения прошлого народов СССР Устюгов приступил к работе в высшей школе. В августе 1938 г. он был приглашен для чтения курса вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивный институт, который вскоре перешел в ведение НКВД СССР¹⁸⁴. Решающую роль в этом также сыграл Сперанский, возглавлявший в институте кафедру истории архивного дела СССР. Когда Устюгов получил приглашение от Сперанского, разработанного курса по данному предмету у него не было, и, завершая очередное занятие, он иногда говорил: «Я не знаю, что будет у нас на следующей лекции»¹⁸⁵. Но в течение семестра ему удалось создать фактически с нуля курс блестящих по форме и содержанию лекций. В начале 1939 г. три части курса, посвященные хронологии, метрологии и сфрагистике, были размножены на стеклографе. Курс лекций Устюгова стал первым печатным обзором по вспомогательным историческим дисциплинам, вышедшим с 1924 г., когда было опубликовано последнее издание популярного в начале 1920-х гг. курса А. М. Большакова.

В 1939 г. Устюгову было присвоено ученое звание доцента по кафедре истории архивного дела¹⁸⁶. В том же году из данной кафедры выделилась кафедра вспомогательных исторических дисциплин, которую также возглавил Сперанский. Вместе с ним на новую кафедру ушел Устюгов. Тогда же Устюговым и Сперанским был организован на новой кафедре научный кружок, из которого вышли такие выдающиеся ученые, как Е. И. Каменцева и Н. Ф. Демидова¹⁸⁷. Поступившая в Институт в 1940 г. Н. А. Ковальчук писала в своих воспоминаниях о руководителях кружка: «Они умели легко, на ходу сообщать несведущим юнцам массу зна-

¹⁸⁰ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 635.

¹⁸¹ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 61.

¹⁸² НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 66.

¹⁸³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 141.

¹⁸⁴ Каменцева Е. И. Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин // Археографический ежегодник. 1968. М., 1970. С. 281.

¹⁸⁵ Из воспоминаний об Историко-архивном институте. Интервью Н. Ф. Демидовой А. Ю. Клименко и Е. В. Пчёлову // Гербовед. 2007. № 95. С. 8–18.

¹⁸⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 10. Ед. хр. 45. Л. 69.

¹⁸⁷ Комиссаренко А. И. Формирование и развитие научной школы Николая Владимировича Устюгова в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 244.

ний и вместе с тем прививали им (т. е. нам) интеллигентные манеры обращения, приучали к хорошему русскому языку, невольно передавали лучшие традиции старой (дореволюционной) высшей школы новому поколению»¹⁸⁸.

Кроме лекций и занятий в кружке Устюгов проводил экскурсии по историческим местам Москвы. Н. А. Ковальчук в своих воспоминаниях описала его экскурсию по палатам Романовых на Варварке: «На Варварку мы направились в обход: из института по Никольской на угол с Красной площадью. Там в то время был пустырь после того, как уничтожили церковь Иконы Казанской Божьей Матери (восстановленную недавно). Николай Владимирович долго рассказывал историю ее постройки, старался передать словами архитектурный облик храма. Потом мимо ГУМа дошли до собора Василия Блаженного. Опять остановка, опять целая лекция о его истории. Только после этого двинулись к Романовским палатам. В то время начались археологические раскопки в Зарядье. Нижнюю часть дома лишь едва-едва извлекли из земли. В верхнем этаже уже блестели изразцы, позолота, красовались своей резьбой различные столы, столешницы, скамьи, стулья, висело несколько светильников, кое-где попадались иконы. Внизу же отдавало сыростью, выступали кирпичные стены, покрытые остатками глины. Мы были в вечернее время, вероятно, в ноябре. Пасмурная погода и сгустившиеся сумерки гармонично окаймляли восприятие событий, сопутствовавших началу Романовской династии»¹⁸⁹.

Уже в первые годы своей преподавательской деятельности Устюгов смог завоевать любовь и уважение студентов. Н. А. Ковальчук писала о нём: «Покорял он нас своей эрудицией, своей феноменальной памятью. Однако у него была слабость, от которой он, видимо, очень страдал. Бросалось в глаза его внимание к симпатичным девушкам типа скромных дореволюционных гимназисток. <...> Свою увлеченность Николай Владимирович скрыть не мог, так как обычно густо краснел при взгляде на свою избранницу. Мы все это замечали, он еще больше смущался и еще больше краснел. Однажды он даже был вынужден оправдываться. Произнес пламенную тираду на тему: “Способность человека краснеть от смущения говорит о его целомудрии”. Он об этом сказал, когда заметил, что покраснел кто-то из студентов. Мы же все поняли, что речь идет о самом Устюгове. Безусловно, мы его не судили за это, но слегка снисходительно и очень дружелюбно подсмеивались между собой над этим его невинным качеством. Ценили же его ум, разносторонность и глубину знаний, умение всецело отдаваться своему делу. Студентов он любил как собственных детей, готов был отдать им всё свое время и силы. Студенты это чувствовали и отвечали огромным расположением к нему. Присущую же ему в то время долю кокетства охотно прощали <...> его учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам, увидевшие свет как раз в 1940 г., еще долгие годы служили студентам верой и правдой при подготовке к экзаменам»¹⁹⁰.

В 1940 г. на стеклографе были отпечатаны четвертая и пятая часть курса Устюгова, посвященные геральдике и нумизматике. Весной 1941 г. Устюгов заключил договор с издательством на публикацию своих лекций типографским способом. Готовя типографское издание своего курса, он планировал существенно переработать его разделы, посвященные хронологии, метрологии и сфрагистике. Он собирался внести в него материал по армянской и грузинской хронологии, для чего изучил ряд трудов на французском языке, так как исследования по данной тематике на русском почти отсутствовали. В разделе метрологии он хотел более ярко обозначить основные направления метрологической политики XVI–XVII вв. Кроме этого, он собирался дополнить раздел сфрагистики неопубликованными материалами о рецеп-

¹⁸⁸ Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 83.

¹⁸⁹ Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 80.

¹⁹⁰ Ковальчук Н. А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом» // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 80.

тах составления печатей-матриц и месячных таможенных печатях¹⁹¹. Однако работу над этим изданием прервала начавшаяся вскоре Великая Отечественная война.

Следует отметить, что первые годы работы Устюгова в Историко-архивном институте были временем проведения активной репрессивной политики Советского государства, направленной против всех потенциальных противников действующего режима. В 1939 г. был отстранен от должности и исключен из партии директор Историко-архивного института К. С. Гулевич, обвиненный в причастности к «рабочей оппозиции» в начале 1920-х гг. В 1940 г. начальник отдела кадров Главного архивного управления НКВД СССР К. И. Удалец в докладной записке о выполнении плана за первый квартал года, направленной заместителю наркома внутренних дел С. Н. Круглову, писал, что Устюгов находился в разработке 2-го отдела ГУГБ НКВД, занимавшегося выявлением контрреволюционных элементов. При этом дополнительным компрометирующим обстоятельством для него служило то, что брат его жены, Александры Николаевны Устюговой, был осужден в 1932 г. на десять лет за антисоветскую агитацию¹⁹². Тем не менее Устюгову удалось избежать ареста, и он смог продолжить преподавательскую и научную работу.

Семь предвоенных лет (1934–1941) стали для Устюгова временем кардинальной смены тематики научных исследований. После начала профессиональных занятий исторической наукой в центре его интересов находилась не история русского крестьянства XIX в., а история Русского Севера и Прикамья в XVII в. Тогда же Устюгов приступил к изучению истории народов СССР и вспомогательных исторических дисциплин, ставших в дальнейшем, наряду с историей Русского Севера в XVII в., основными темами его исследований. Однако в эти годы ни одна из его работ по данным темам не была доведена до печати. С одной стороны, это было связано с идеологическими причинами, влиявшими на творчество всех советских историков в данный период и проявлявшимися в преимущественном печатании идеологически важных работ и затягивании сроков публикации научных трудов из-за изменений партийной линии. С другой – это было связано с тем, что Устюгов, как и многие советские ученые, был вынужден прервать научную работу в годы Великой Отечественной войны.

¹⁹¹ Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 91–92.

¹⁹² «Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок» / Т. И. Хорхордина и В. Ю. Романова // Новый исторический вестник. 2002. № 6. С. 140–174.

1.4. Формирование взглядов на историю кочевых народов Центральной Азии и Приуралья

Начало активных занятий Устюгова историей коренных народов СССР произошло в середине 1930-х гг., когда многие историки были вынуждены сменить направление своих исследований и обратиться к данной тематике, подвергавшейся в то время идеологической переоценке. До этого времени в отношении нее господствовали взгляды, сложившиеся в большевистской среде еще в дореволюционный период и продиктованные необходимостью ликвидации Российской империи. Согласно им нерусские народы провозглашались жертвами колониальной эксплуатации, национальные движения получали однозначно положительную оценку, а присоединение данных народов к России считалось «абсолютным злом». При этом русский народ, наоборот, провозглашался угнетателем и эксплуататором, и его активное изучение объявлялось идеологически вредным.

Наиболее активно данная точка зрения продвигалась на рубеже 1920–1930-х гг., когда большевистская политика поддержки коренных народов и принижения русского народа достигла своего апогея¹⁹³. Активному продвижению в историческую науку концепции «абсолютного зла» способствовало то, что ее сторонником являлся фактический лидер советских историков-марксистов М. Н. Покровский. В 1928 г. на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов сам термин «русская история» был объявлен контрреволюционным. С этого времени в советских вузах и НИИ вместо «истории России» стала изучаться и преподаваться «история народов СССР», а русский народ объявлялся лишь одним из героев этой истории¹⁹⁴. Смена терминологии сопровождалась началом активных исследований по истории нерусских народов Советского Союза, провозглашенных жертвами национального угнетения со стороны русских в дореволюционный период. Но ее изучение осложнялось тем, что данная проблематика была крайне слабо разработана в дореволюционной историографии, поэтому историками была начата масштабная работа по выявлению и публикации источников по истории коренных народов.

Одним из проектов издания документов по истории коренных народов стал проект серии «Памятники истории народов СССР XV–XVII вв.». Неоднократно помогавший Устюгову А. Н. Сперанский в 1936 г. предложил привлечь его к данному изданию¹⁹⁵. Хотя этот замысел не был реализован, в том же году Устюгов впервые обратился к истории народов СССР, опубликовав в журнале «Историк-марксист» рецензию на первый выпуск сборника «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», изданный Казахским краевым издательством в 1935 г. В своей рецензии он выделял ряд недостатков сборника, связанных с отбором источников и составлением справочных указателей¹⁹⁶. Вместе с этим Устюгов давал сборнику в целом высокую оценку и писал, что он, несомненно, станет полезной книгой для ученых и преподавателей, впервые приступающих к изучению истории Казахстана¹⁹⁷.

Одним из центров публикации документов по истории коренных народов в это время стал Историко-археографический институт АН СССР, приступивший в 1932 г. к изданию

¹⁹³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М., 2011. С. 36, 45.

¹⁹⁴ Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 148; Покровский М. Н. К истории СССР // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 18.

¹⁹⁵ Ананьев В. Г. Александр Николаевич Сперанский: материалы к научной биографии // Вестник РГГУ. 2011. № 12. С. 50.

¹⁹⁶ Устюгов Н. В. Рец. на: Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте // Историк-марксист. 1936. № 6. С. 202.

¹⁹⁷ Устюгов Н. В. Рец. на: Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте // Историк-марксист. 1936. № 6. С. 205.

серии документальных публикаций под названием «Материалы по истории народов СССР»¹⁹⁸. Несмотря на то, что с 1933 г. началось сворачивание политики поддержки коренных народов, а в 1934 г. общегосударственная история была обозначена термином «история СССР», изучение прошлого нерусских народов, за которым закрепилось узкое значение термина «история народов СССР», продолжало оставаться одной из приоритетных тем советской историографии.

В 1936 г. в Трудах Историко-археографического института был опубликован седьмой выпуск «Материалов по истории народов СССР». Данный выпуск являлся первой частью «Материалов по истории Башкирской АССР» и был посвящен башкирским восстаниям XVII – первой половины XVIII в. Составителем и редактором этого сборника выступил ленинградский историк А. П. Чулошников, являвшийся автором нескольких работ по истории Казахстана и Башкирии и в дальнейшем работавший в Ленинградском отделении Института истории (далее ЛОИИ). Именно с этой документальной публикацией связано первое обращение Устюгова к истории Башкирии, ставшей в дальнейшем одной из главных тем его творчества.

В начале следующего 1937 г. Устюговым, являвшимся в то время сотрудником археографического сектора Института истории, был написан отзыв на данную публикацию. Отзыв содержал множество критических замечаний, вызванных различием в подходах Устюгова и Чулошникова к истории Башкирии и принципам публикации документов. Работая под руководством Сперанского, Устюгов следовал его требованиям к археографической работе, заключавшимся в обязательном ознакомлении со всеми делами намеченных архивных фондов и выявлении и учете всех хранящихся в них документов. Поэтому главные упреки, адресованные им составителям сборника, заключались в непривлечении важных фондов, таких как Калмыцкие дела в ГАФКЭ, неполном использовании привлеченных фондов и публикации отрывочных и неполных документов. Эта критика вызвала ответ со стороны Чулошникова, который писал о неблагоприятных обстоятельствах подготовки сборника и, в частности, указывал, что уже после сдачи сборника в печать его составителям удалось случайно найти в фонде академика А. А. Куника указание на дела и приговоры Правительствующего Сената по Оренбургской губернии. В свою очередь Устюгов сделал несколько замечаний на ответ Чулошникова, в которых писал: «Я был бы готов вместе с составителями сборника порадоваться тому счастливому случаю, который помог им обнаружить в фонде Куника указание на дела и приговоры Сената, касающиеся Оренбургской губернии, если бы не знал, что эти же сведения помещены на с. 120 Памятной книжки Московского архива Министерства юстиции, изданной в 1890 г., находящейся в читальном зале ГАФКЭ и доступной без предварительной выписки каждому занимающемуся»¹⁹⁹.

В начале 1938 г. Устюговым на основе вышеназванного отзыва была опубликована рецензия на данный сборник в журнале «Историк-марксист». В ней он уделил основное внимание критике вступительной статьи к сборнику, которая также была написана Чулошниковым и называлась «Феодалы и отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.». В рецензии указывалось на краткость и нечеткость характеристик, даваемых во вступительной статье основным социальным группам населения Башкирии. Кроме этого, критику Устюгова вызвали оценки, данные во вступительной статье общественному строю башкир и башкирским восстаниям. Чулошников утверждал, что к башкирскому обществу полностью применима концепция кочевого феодализма, разработанная Б. Я. Владимирцовым, согласно которой в кочевом обществе феодальная собственность на землю проявлялась через распоряжение различными участками пастбищных территорий²⁰⁰. Из признания башкирского обще-

¹⁹⁸ Серова Е. А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) // История и историки. 1976. М., 1979. С. 364–365, 370–372.

¹⁹⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 7.

²⁰⁰ Чулошников А. П. Феодалы и отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. С. 12, 21.

ства феодальным следовала характеристика большей части башкир как эксплуатируемых трудящихся масс. Соответственно, эти эксплуатируемые массы рассматривались Чулошниковым как главная движущая сила башкирских восстаний, а сами восстания характеризовались в соответствии с официальной идеологией как революционная борьба башкирского народа против феодально-крепостнического гнета царской России²⁰¹. Однако названные характеристики вступали в противоречие с данными источников, что вынуждало автора постоянно делать оговорки о сохранении родовых институтов, ведущей роли феодалов в башкирских восстаниях и классовой близорукости рядовых башкир, воевавших вместе со своими феодалами против русских крестьян²⁰².

В своей рецензии Устюгов, не отрицая применения к башкирской знати термина «феодалы», назвал принципиальной ошибкой Чулошникова недооценку родовых пережитков в башкирском обществе, наблюдавшихся, по его словам, не только в XVII в., но и в тридцатых годах XVIII в. Приводя в подтверждение данного тезиса идеологические аргументы, он писал, что товарищ Сталин в своей речи на X съезде партии прямо указывал, что башкиры сохранили родовой быт, и утверждал, что Чулошников подменил это ясное указание схемой о феодализме. Следует отметить, что, ссылаясь на речь Сталина, Устюгов не давал сноски на протоколы X съезда РКП(б), так как они были в то время недоступны для читателей. Также, не отрицая прямо освободительного характера башкирских восстаний, Устюгов подчеркивал, что они часто возглавлялись башкирскими феодалами²⁰³. В дальнейшем тезисы о сохранении патриархальных пережитков в башкирском обществе и феодальном характере башкирских восстаний стали основополагающими концептуальными элементами взглядов Устюгова на историю Башкирии.

Работа над первой частью «Материалов по истории Башкирской АССР» велась в основном в 1934–1936 гг., когда в исторической науке господствовали идеи Покровского о Восточной России, построенной на костях инородцев²⁰⁴. Соответственно, во вступительной статье Чулошникова постоянно употреблялись выражения «колониальная политика России», «русское господство», а само присоединение Башкирии оценивалось исключительно негативно²⁰⁵. Однако ко времени выхода рецензии Устюгова в официальной идеологии произошли заметные перемены. В середине 1930-х гг. в связи с необходимостью укрепления советского государства партийное руководство перешло к политике сглаживания межнациональных противоречий, отказу от восхваления национальных движений и переоценке исторической роли крупнейшего из народов СССР – русского. Одним из проявлений данного идеологического поворота стало изданное в 1937 г. постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы. В нём провозглашался официальный отход от однозначно негативной оценки присоединения коренных народов к России и объявлялось, что присоединение к ней украинцев и грузин являлось «наименьшим злом» по сравнению с их присоединением к другим странам²⁰⁶. Следует отметить, что выход данного постановления не означал немедленной переоценки прошлого всех народов СССР. В работах по истории других коренных народов сохранялись негативные оценки России и русского

²⁰¹ Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. С. 62; Археографическое введение // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. С. 66.

²⁰² Чулошников А. П. Указ. соч. С. 10, 63.

²⁰³ Устюгов Н. В. Рец. на: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 147.

²⁰⁴ Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 28.

²⁰⁵ Чулошников А. П. Указ. соч. С. 26, 45, 58.

²⁰⁶ Постановление жюри правительственной комиссии конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 1–5.

народа, окончательный отказ от которых произошел позднее, уже в годы Великой Отечественной войны²⁰⁷.

В связи с произошедшими идеологическими изменениями Устюгов назвал употребление Чулошниковым выражения «русское господство» политически неверным. Кроме этого, он подчеркнул прогрессивность России по сравнению с Востоком, аргументируя ее цитатой из письма Ф. Энгельса К. Марксу о том, что русское господство играет цивилизаторскую роль для башкир и татар²⁰⁸. Следует отметить, что идея о прогрессивности русской колонизации Башкирии также стала одним из концептуальных элементов взглядов Устюгова на башкирскую историю. Наряду с рецензированием публикаций по истории народов СССР, Устюгов и сам занимался публикаторской работой. В это время он принимал участие в подготовке сборника документов по истории Казахстана и участвовал в выявлении материалов для четвертого тома «Материалов по истории Казахской ССР», опубликованного в 1940 г.²⁰⁹ Отметим, что данный том «Материалов» стал единственным вышедшим из печати, а его номер был обусловлен его хронологическими рамками: он был посвящен истории Младшего жуза в 1780–1820-х гг.

Однако важнейшей задачей советских историков во второй половине 1930-х гг. была не публикация документов, а создание новых учебников по истории и подготовка обобщающих трудов. В конце 1930-х гг., вслед за созданием учебников по истории СССР для начальной и средней школы, началось создание вузовских учебников по данной дисциплине. В 1940 г. вышел второй том учебника по истории СССР для исторических факультетов высших учебных заведений, редактором которого была профессор М. В. Нечкина. Для этого тома Устюгов написал небольшой раздел по истории башкир в первой половине XIX в. В дальнейшем этот учебник выдержал два переиздания, которые вышли в 1949 и 1954 гг.

Одновременно с участием в написании новых учебников Устюгов занимался работой по подготовке разделов двенадцатитомной «Истории СССР». Из десяти разделов, написанных для нее Устюговым, два были посвящены истории Башкирии. Для четвертого тома им был написан раздел о башкирских восстаниях XVII в., а для пятого тома – раздел об истории башкир в XVIII в. Рукописи данных работ хранятся в Архиве РАН в фонде Устюгова.

Следует отметить, что рукопись раздела, озаглавленного «Башкирские восстания XVII в.», в описи фонда ошибочно атрибутирована как раздел «Очерков истории Башкирии»²¹⁰. Мы подробно проанализируем ее содержание, так как она послужила протографом для последующих работ Устюгова по данной тематике. Работа над ней была завершена 4 декабря 1939 г., поэтому мы будем в дальнейшем именовать этот труд рукописью 1939 г. Важно отметить, что текст «Башкирских восстаний XVII в.» представлял собой образец скрытой полемики с господствовавшими в то время взглядами на историю Башкирии, нашедшими наиболее яркое отражение в отрецензированной Устюговым статье Чулошникова. Внешне соглашаясь с тезисами Чулошникова, Устюгов добавлял к его утверждениям дополнения или примеры, опровергавшие чулошниковскую концепцию истории Башкирии. Эти черты работы Устюгова проявились в целом ряде параграфов рукописи 1939 г.

§ 1 представлял собой введение к рассматриваемой работе. В нём Устюгов подчеркивал слабую изученность проблематики башкирских восстаний и указывал, что к моменту написания его работы в науке не существовало даже общепринятой их датировки. Он приводил обзор основных мнений по данному вопросу и называл наиболее убедительными датировки профессора Казанского университета Н. А. Фирсова и А. П. Чулошникова, выделявших в XVII в.

²⁰⁷ Тихонов В. В. Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е гг. М., 2014. С. 239–242.

²⁰⁸ Устюгов Н. В. Рец. на: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 147.

²⁰⁹ Вяткин М. П., Дмитриев Н. К. Археографическое введение // Материалы по истории Казахской ССР. М.; Л., 1940. С. 44.

²¹⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Л. 16.

два крупных башкирских восстания, продолжавшихся с 1662 по 1665 г. и со второй половины 1670-х по 1683 г. Задачами своего исследования он считал пересмотр всех изданных источников по истории башкирских восстаний XVII в. и дополнение их некоторыми неизданными документами. На основе этих данных он стремился выяснить причины башкирских восстаний, обрисовать их фактическую сторону и объяснить причины их неуспеха²¹¹.

§ 2 был посвящен положению Башкирии в составе Русского государства во второй половине XVI – первой половине XVII в. Ссылаясь на статью Чулошникова, Устюгов писал, что Башкирия была завоевана московским царем, а башкирские выступления второй половины XVI в. являлись борьбой против завоевателей. Но уже при объяснении причин башкирских выступлений начала XVII в. он отходил от взглядов Чулошникова. Если Чулошников объяснял восстания дальнейшим наступлением русских колонизаторов на Башкирию, то Устюгов связывал их со слабостью центральной власти в годы Смутного времени и ослаблением ее внимания к окраинам²¹².

В § 3 Устюгов рассматривал непосредственные причины башкирских восстаний 1662–1665 и 1676–1682 гг. Как и Чулошников, он называл причинами восстаний захваты башкирских земель и заселение их русскими, обременение башкир ясаком и злоупотребления местной администрации. Но кроме этого Устюгов указывал еще одну причину, которая не укладывалась в созданную Чулошниковым картину восстаний как революционной борьбы башкирского народа. Он подчеркивал руководящую роль феодалов в подготовке башкирских выступлений и, указывая на причины их недовольства, приводил цитату из работы Н. А. Фирсова «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве». В этом труде Фирсов писал, что многие представители аристократии ханств, возникших после распада Золотой Орды, не желали превращаться в слуг московских государей и стремились восстановить свое прежнее положение наследственных родовитых властелинов «черных людей»²¹³.

Большая часть исследования Устюгова, включавшая параграфы с четвертого по десятый, была посвящена рассмотрению башкирского восстания 1662–1665 гг. В § 4 Устюгов рассматривал подготовку данного восстания. Он называл его организационными центрами Крымское ханство и царевичей Кучумовичей, кочевавших в южносибирских степях. Тезис об организующей роли Крымского ханства в башкирском восстании опирался на донесение калмыцкого тайши Мончака к астраханскому воеводе кн. Г. С. Куракину и расспросные речи переводчика Карая Рахимгулова, направленного уфимским воеводой к восставшим башкирам в 1663 г. В них говорилось о том, что башкиры отправляли послов к крымскому хану, правда, не сообщалось о согласии хана оказать помощь башкирскому восстанию. Кроме этого, Устюгов использовал донесение уральского крестьянина, приводившееся в отписке тобольского воеводы, в котором говорилось, что восстание началось «по стовору с крымским царем», и сообщение пленного татарина о том, что восставшие ожидают подхода крымских войск²¹⁴. Руководящая роль царевичей-Кучумовичей подтверждалась многочисленными документами об их личном участии в восстании, опубликованными в Дополнениях к актам историческим (далее ДАИ) и «Материалах по истории Башкирской АССР»²¹⁵. Устюгов указывал, что в зауральской Башкирии его организаторами являлись так называемые «выходцы», вернувшиеся в русские владения из кочевий Кучумовичей, среди которых выделялся знатный башкир Сары Мергенъ²¹⁶. Именно восстановление Сибирского ханства являлось, по словам Устюгова, главной целью восстания.

²¹¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 47.

²¹² Чулошников А. П. Указ. соч. С. 26–27; АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 50.

²¹³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 55–57; Фирсов Н. А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 117–118.

²¹⁴ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 57–60.

²¹⁵ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 60.

²¹⁶ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 57, 63.

Также он отмечал, что восставшие рассчитывали на получение военной помощи от калмыков, кочевавших возле русских границ.

В пятом и шестом параграфах он описывал действия восставших башкир в 1662 г. Разделение на параграфы проводилось в данном случае по географическому признаку: в § 5 описывался ход восстания в Приуралье, а в § 6 – в Зауралье. Излагая ход восстания, Устюгов подробно описывал разорение повстанцами русских слобод и деревень, что резко контрастировало с работой Чулошникова, акцентировавшего жестокость царских карателей и лишь кратко упоминавшего о нападениях башкир на русские поселения²¹⁷.

В § 7 он рассматривал действия правительственных войск, боровшихся с повстанцами осенью 1662 г. Он писал, что перед ними была поставлена задача не только подавлять восстание вооруженной силой, но и вносить разлад в ряды восставших, привлекая на свою сторону социальную верхушку башкир обещанием царской милости и жалования в случае прекращения восстания²¹⁸. Устюгов отмечал, что такая тактика принесла свои плоды, и осенью 1662 г. башкиры Ногайской дороги и приуральских волостей Сибирской дороги принесли повинную. При этом тарханы (представители высшего слоя башкирской знати) Ногайской дороги выдали властям двух участников восстания: Гоура и Улекая Кривого, которые были повешены уфимским воеводой²¹⁹. Устюгов указывал, что с наступлением зимы башкиры прекратили сопротивление, но вновь выступили весной 1663 г.

Рассмотрению восстания этого года были посвящены восьмой и девятый параграфы работы. Как и при описании движения 1662 г., разделение на параграфы проводилось по географическому признаку. § 8 был посвящен восстанию в Казанской и Ногайской дорогах, а § 9 – восстанию в Осинской и Сибирской дорогах. Устюгов связывал возобновление восстания в Ногайской дороге с невыполнением московскими властями обещаний, данных башкирам, которые принесли повинную осенью 1662 г. Вместе с тем он отмечал, что сопротивление башкир было недолгим и уже осенью 1663 г. тарханы Ногайской дороги были вынуждены вступить в переговоры с уфимским воеводой. В результате переговоров башкирские послы были отправлены в Москву, где принесли повинную в приказе Казанского дворца. При этом они были вынуждены согласиться на выдачу заложников, которые должны были содержаться в Уфе до окончательного усмирения всех башкир. Тогда же уфимскому воеводе удалось уговорить принести повинную башкир Казанской дороги. Следует отметить, что, говоря о принесении восставшими повинной, Устюгов рисовал принципиально иную картину прекращения восстания, чем Чулошников. Последний называл принесение повинной феодалами предательством и писал, что оно было порождено общностью классовых интересов башкирских тарханов и московского правительства²²⁰. Устюгов, так же как и Чулошников, писал, что одной из причин принесения повинной были правительственные обещания различных льгот для башкирской знати. Но к этому он добавлял еще одну причину, разрушавшую созданную Чулошниковым картину преданной феодалами революционной борьбы башкирских масс. Он писал, что тарханы были вынуждены принести повинную, так как утратили поддержку со стороны рядовых башкир, которым восстание приносило только разорение. Разочарование в восстании рядовых башкир Устюгов связывал с тем, что подчинение Кучумовичам не сулило им никаких благ, так как при господстве сибирских царевичей татарские и башкирские феодалы имели больше возможностей для эксплуатации подвластного им населения, чем при господстве московского правительства²²¹.

²¹⁷ Чулошников А. П. Указ. соч. С. 30–31.

²¹⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 77.

²¹⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 80–81.

²²⁰ Чулошников А. П. Указ. соч. С. 28, 33.

²²¹ Чулошников А. П. Указ. соч. С. 28–29, 33; АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 88–90.

Сведения о принесении повинной повстанцами Сибирской и Осинской дорог в 1663 г. в источниках отсутствовали, и Устюгов предполагал, что они прекратили боевые действия с наступлением зимы по естественным причинам. Рассматривая ход восстания в этих дорогах, он писал, что возглавлявший повстанцев Сибирской дороги в 1662 г. Сары Мергенъ больше в источниках не упоминался, и в 1663 г. движение в этой дороге возглавил сам правнук Кучума – царевич Кучук. Справиться с восставшими удалось только направленным из Тобольска полкам иноземного строя, которые нанесли им поражение и вынудили отступить на европейский склон Урала²²². Говоря о восстании 1663 г. в Осинской дороге, Устюгов отмечал, что некоторую помощь движению оказывали не только коренные народы, но и русские, и приводил известия о том, что верхотурский стрелец Иван Громыхалов снабжал восставших свинцом и порохом²²³.

В § 10 рассматривались действия восставших в Зауралье в 1664–1665 гг. и давалась общая оценка восстания. По словам Устюгова, восстание шло на убыль и в 1664 г. были лишь небольшие стычки, кончавшиеся не в пользу башкир, так как восставшие не могли справиться с московскими регулярными войсками, а эти войска не уходили из слобод²²⁴. Говоря о продолжении восстания в 1665 г., он описывал лишь набег неуставленных татар на Киргинскую слободу, который был отбит. Но если в основном тексте работы Устюгов опровергал многие тезисы Чулошникова, то подводя итоги, он почти дословно повторял выводы последнего из вступительной статьи к «Материалам по истории Башкирской АССР». Он писал, что восстание 1662–1665 гг. было борьбой башкир за национальную независимость, в которой приняли участие все классы башкирского общества. Если в восьмом параграфе своей работы Устюгов связывал прекращение восстания с разочарованием в нём рядовых башкир, то в итоговых выводах он утверждал, что наименее устойчивым слоем восставших являлись феодалы, которые предали движение и перешли на сторону московских властей. Причиной поражения восстания Устюгов называл отсутствие в Башкирии такого общественного класса, который мог бы повести планомерную борьбу с царизмом. Он указывал, что восставшие, нападая на русские поселения, лишали себя союзников в лице крестьян, также страдавших от гнета феодально-крепостнического режима²²⁵.

Вместе с тем в характеристике восстания, данной Устюговым, присутствовали и отличия от статьи Чулошникова. Одни из них имели идеологические причины и были связаны с появлением «Замечаний» Сталина, Кирова, Жданова, влияние которых проявлялось не только в обозначении в качестве противника башкир московского царизма вместо русского государства, но и в отсутствии эпитета «революционный» по отношению к башкирским восстаниям (неразборчивость в употреблении термина «революция» была одним из главных упреков историкам со стороны авторов «Замечаний»)²²⁶. Другие были вызваны внутренними причинами, связанными с различием в подходах Устюгова и Чулошникова к оценке исторических явлений. Для Устюгова являлась неприемлемой положительная оценка движений, усиливавших степных правителей и наносивших ущерб русскому населению. Подводя итоги восстания, Устюгов изменял трафаретную формулу советской историографии (восстание разделило общую судьбу стихийных крестьянских движений – оно было подавлено) и вместо слов о подавлении восстания писал, что «оно не дало никаких положительных результатов»²²⁷.

В § 11 Устюгов рассматривал башкирские выступления в период между восстаниями 1662–1665 и 1676–1683 гг. Он отмечал, что наибольшую активность в это время проявлял

²²² АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 92–94.

²²³ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 92.

²²⁴ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 96.

²²⁵ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 98–100; Чулошников А. П. Указ. соч. С. 31, 33, 63–64.

²²⁶ Сталин И. В. и др. Указ. соч. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 40.

²²⁷ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 99.

царевич Кучук, совершавший отдельные набеги на русские поселения. Однако в это время многие башкиры стали отходить от царевича и возвращаться под власть московских государей. Выступления башкир в период разинского движения были незначительными, что Устюгов связывал с тем, что в их памяти еще было свежо подавление восстания 1662–1665 гг.²²⁸ § 12 был посвящен непосредственным причинам восстания 1676–1683 гг. Устюгов писал, что в 1670-х гг. продолжали действовать те же причины, которые вызвали восстание 1662–1665 гг.: земельные захваты, тяжелые подати и злоупотребления ясачных сборщиков. Вместе с тем он отмечал, что в это время у башкир появился новый повод для недовольства, связанный с их привлечением для участия в военных походах против турок и крымцев, поддерживавших враждебного Москве гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко.

Параграфы с тринадцатого по шестнадцатый были посвящены описанию восстания 1676–1683 гг., которое Устюгов называл Сеитовским, по имени его вождя – старшины Казанской дороги Сеита Садиира. В § 13 Устюгов рассматривал подготовку данного восстания. На основании того, что в документах, посвященных ему, царевичи-Кучумовичи всегда упоминались вместе с калмыками, он делал вывод, что их организационная роль в его подготовке была незначительной, и утверждал, что в это время царевичи были настолько слабы, что могли принимать участие в восстании только опираясь на калмыцкую помощь. Говоря о калмыках, Устюгов писал, что их отношение к восстанию было противоречивым. Если в начале него они выступали как сила, враждебная башкирам, то около 1680 г. они стали их союзниками, и с 1680 по 1683 г. башкирские повстанцы всё время опирались на калмыков. Сравнивая подготовку двух башкирских движений XVII в., он отмечал существенные различия между ними и писал, что если подготовка восстания 1662–1665 гг. началась задолго до самого выступления, то в ходе восстания 1676–1683 гг. подготовка и концентрация сил восставших происходила в момент самой борьбы²²⁹.

Последнее утверждение было связано с противоречием между фактическим материалом и принятой Устюговым схемой башкирских восстаний XVII в., наглядно проявившимся в § 14. Данный параграф был посвящен ходу восстания в период с 1676 по 1681 г. В нём Устюгов следовал схеме восстаний Фирсова и Чулошникова, датировавших башкирское выступление второй половиной 1670-х – 1683 г. Однако данные источников не позволяли говорить о крупном башкирском движении во второй половине 1670-х гг., и Устюгов был вынужден признать, что «приведенные в известность документы скорее говорят лишь о подготовке восстания и об отдельных единичных нападениях на те или иные русские поселения»²³⁰.

В § 15 он рассматривал действия восставших башкир в 1682 г., подробно описывая урон, нанесенный восставшими русским поселениям Прикамья. Он писал, что в мае 1682 г. уфимский воевода смог нанести поражение восставшим, после чего часть повстанцев принесла повинную и сложила оружие. Но уже через месяц, в июне 1682 г., военные действия возобновились, что было связано с поддержкой восстания со стороны калмыцких тайшей. Устюгов отмечал, что после прихода на помощь восставшим калмыков движение охватило всю территорию Башкирии, и перед московским правительством встала задача разорвать башкиро-калмыцкий союз. Ссылаясь на шертную запись калмыцкого тайши Аюки, принесенную после переговоров с астраханским воеводой, он писал, что этого удалось добиться в январе 1683 г.²³¹ При этом он указывал, что калмыцкая присяга на верность московским государям была непрочной и правительство, не особенно доверяя калмыкам, направило в Башкирию дополнительные воинские отряды.

²²⁸ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 103.

²²⁹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 112–113.

²³⁰ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 117.

²³¹ АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 124.

В § 16 Устюгов рассматривал ход восстания в 1683 г. Он писал, что движение возобновилось весной этого года, и его участниками являлись как башкиры, так и калмыки, нарушившие свою шертную запись. Вместе с тем он отмечал, что восстание в 1683 г. не приняло такого размаха, как в предыдущем году. Устюгов связывал стремление башкир прекратить восстание с тем, что союз с калмыками не сулил башкирам облегчения их положения. В отличие от Чулошникова, не дававшего негативных характеристик калмыцкому участию в Сеитовском восстании, Устюгов писал, что избавляясь от колониального гнета московского правительства, башкиры попадали в более жестокую зависимость от калмыков, и указывал, что значительная часть башкир отрицательно отнеслась к их хозяйничанью в Башкирии²³². Калмыки платили башкирам за это разорением их поселений, вынуждавшим башкир спасаться бегством. Завершая рассмотрение Сеитовского восстания, Устюгов писал, что данное движение прекратилось после ухода калмыков из Башкирии в конце 1683 г. Следует отметить, что разрыв башкиро-калмыцкого союза также получил противоположные оценки в работах Устюгова и Чулошникова. Если Чулошников называл действия калмыков изменой, то Устюгов не давал им никаких отрицательных характеристик и воздерживался от утверждений о том, что башкиро-калмыцкий разрыв был подготовлен московским правительством²³³.

²³² Чулошников А. П. Указ. соч. С. 38–39; АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 126.

²³³ Чулошников А. П. Указ. соч. С. 39–40; АРАН. Ф. 1535. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 127.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.